

ТАЙША АБЕЛЯР

МАГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД
ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ-ВОИНА

Тайша Абеляр

**Магический переход.
Путь женщины-воина**

«София Медиа»

1992

Абеляр Т.

Магический переход. Путь женщины-воина / Т. Абеляр —
«София Медиа», 1992

ISBN 978-5-6046851-8-1

После появления книг «Учение дона Хуана» (1968), «Отдельная реальность» (1971) и «Путешествие в Икстлан» (1972) их автор и главный герой, антрополог по имени Карлос Кастанеда, а также дон Хуан, таинственный старый индеец-яки из Соноры, стали культовыми личностями в США и постепенно – во всем мире. Для миллионов читателей, молодых и старых, первая встреча Кастанеды с Хуаном Матусом, которая произошла на автобусной остановке в аризонской пустыне неподалеку от мексиканской границы, является величайшим литературным событием всех времен и народов. Писать о Карлосе Кастанеде не просто трудно – при внимательном хотя бы прочтении всех его работ приходишь к однозначному выводу: не стоит вторгаться на запретную территорию личной жизни писателя. Все, что он счел нужным сообщить нам о себе, есть в его удивительных книгах. Не существует ни достоверных фактов о его жизни, ни достоверных его фотографий. Но есть одиннадцать его потрясающих книг, которые навсегда изменили наше мировоззрение. И есть замечательные книги женщин-магов из отряда Карлоса Кастанеды – Тайши Абеляр и Флоринды Доннер, его соратниц по обучению у дона Хуана и его собственных учениц. «Магический переход» – книга сталкера Тайши Абеляр, представленная самим Кастанедой, – исключительно практическая книга. Совсем не просто воспользоваться даваемыми доном Хуаном техниками по книгам самого Карлоса, но как же четко, выполнимо и практично описаны многие из этих техник в книге Тайши! Итак, перед вами – путь женщины-воина, друга и соратника Карлоса Кастанеды до последних дней его пребывания на этой Земле.

ISBN 978-5-6046851-8-1

© Абеляр Т., 1992
© София Медиа, 1992

Содержание

Карлос Кастанеда – самая таинственная фигура второй половины XX века	7
Предисловие Карлоса Кастанеды	8
Вступление	10
1. Неожиданное знакомство	12
2. Путь в Мексику	18
3. Невидимый дом	26
4. Дорога к пещере	33
5. Тайное учение об энергиях	42
6. Искусство быть пустой	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тайша Абеляр
Магический переход. Путь женщины-воина
The SORCERERS' CROSSING
A Woman's Journey

Copyright © Taisha Abelar, 1992.
© ООО «София Медиа», 2021

Карлос Кастанеда – самая таинственная фигура второй половины XX века

После появления книг «Учение дона Хуана» (1968), «Отдельная реальность» (1971) и «Путешествие в Икстлан» (1972) их автор и главный герой, антрополог по имени Карлос Кастанеда, а также дон Хуан, таинственный старый индеец-яки из Соноры, стали культовыми личностями в США и – постепенно – во всем мире.

Для миллионов читателей, молодых и старых, первая встреча Кастанеды с Хуаном Матусом, которая произошла на автобусной остановке в аризонской пустыне неподалеку от мексиканской границы, является величайшим литературным событием всех времен и народов.

Писать о Карлосе Кастанеде не просто трудно – при внимательном хотя бы *прочтении* всех его работ приходишь к однозначному выводу: не стоит вторгаться на запретную территорию личной жизни писателя. Все, что он счел нужным сообщить нам о себе, есть в его удивительных книгах. Не существует ни достоверных фактов о его жизни, ни достоверных его фотографий.

Но есть одиннадцать его потрясающих книг, которые навсегда изменили наше мировоззрение.

И есть замечательные книги женщин-магов из отряда Карлоса Кастанеды – Тайши Абеляр и Флоринды Доннер, его соратниц по обучению у дона Хуана и его собственных учениц.

«Магический переход» – книга *сталкера* Тайши Абеляр, представленная самим Кастанедой, – исключительно практическая книга. Совсем не просто воспользоваться даваемыми доном Хуаном техниками по книгам самого Карлоса, но как же четко, выполнимо и практично описаны многие из этих техник в книге Тайши!

Итак, перед вами – путь женщины-воина, друга и соратника Карлоса Кастанеды до последних дней его пребывания на этой Земле.

Предисловие Карлоса Кастанеды

Тайша Абеляр – это одна из трех женщин, которые прошли серьезный курс обучения магии в Мексике у дона Хуана Матуса.

Я подробно описал свое обучение под его руководством, но в своих книгах ни разу не упомянул¹ об этой особой группе, к которой и принадлежит Тайша Абеляр. Дело в том, что среди подопечных дона Хуана действовало неписаное соглашение не упоминать о них.

В течение двадцати лет мы придерживались этого соглашения. И несмотря на то, что мы жили и работали в непосредственной близости друг от друга, мы никогда совместно не обсуждали своих переживаний. Фактически, у нас ни разу даже не было возможности обменяться мнениями о том, что конкретно делали с нами дон Хуан и маги его отряда.

Такое положение дел не было связано с присутствием дона Хуана. После того как он вместе со своей группой оставил мир, мы продолжали жить в изоляции друг от друга, потому что не желали расходовать энергию на пересмотр действующих соглашений. Всё имеющееся у нас время и энергия использовались нами на совершенствование в том, чему дон Хуан так усердно нас обучал.

Дон Хуан обучал нас магии как практике, которая дала каждому из нас возможность непосредственно *видеть* энергию. Он утверждал, что для того, чтобы видеть энергию таким образом, мы должны вначале освободиться от ограничений обычного восприятия. Это освоение и обучение *видению* стало для нас первоочередной задачей.

Маги считают, что качества нашего обычного восприятия были навязаны нам в процессе воспитания принудительно, хотя и не без нашего участия. Одним из неотъемлемых аспектов обычного восприятия является система интерпретации ощущений, которая превращает то, что мы наблюдаем посредством органов чувств, в осмысленные единицы, рассматриваемые в соответствии с общественной системой ценностей.

Обычная жизнь в обществе требует от людей слепой и безоговорочной приверженности нормальному восприятию, что исключает возможность непосредственного видения энергии. Но дон Хуан утверждал, в частности, что при желании вполне можно научиться видеть людей как энергетические поля, напоминающие большие вытянутые пузыри яйцевидной формы, отсвечивающие тусклым белым светом.

Для того чтобы достичь более высокой ступени восприятия, нам нужна внутренняя энергия. Поэтому накопление ее необходимого количества является ключевой задачей тех, кто занимается магией.

Обстоятельства, сложившиеся в настоящее время в мире, благоприятствуют тому, чтобы Тайша Абеляр описала процесс своего обучения, который был во многом похож на мой, но в то же время существенно отличался от него. Написание книги заняло у нее продолжительное время, потому что она должна была прежде всего обрести магические творческие средства. Дон Хуан Матус сам поставил передо мной задачу писать о его магии. Он же дал мне указание, как это нужно делать, говоря: «Пиши как маг, а не как писатель». Это означало, что я должен был заниматься писательством в состоянии более тонкого восприятия, которое маги называют *сновидением*. У Тайши Абеляр ушли годы на то, чтобы овладеть сновидением в той степени, которая необходима для превращения его в магическое творческое средство.

В мире дона Хуана маги в зависимости от своего темперамента подразделялись на две основные категории: *сновидящие* и *сталкеры*. К *сновидящим* относятся те маги, которые наделены способностью выходить на более высокий уровень восприятия с помощью управления

¹ Предисловие было написано до выхода в свет девятой книги Карлоса Кастанеды «Искусство сновидения» (М.: «София», 2013). – *Прим. ред.*

течением своих снов. Они совершенствуют эту способность посредством целенаправленных занятий, превращая ее в искусство – *искусство сновидения*. С другой стороны, сталкеры – это те маги, которые обладают врожденной способностью согласовывать свою жизнь с внешними обстоятельствами и могут достигать высоких уровней восприятия, совершенствуясь в управлении своим поведением. Магическая практика превращает эту естественную способность в *искусство сталкинга*.

Хотя все последователи дона Хуана в совершенстве владеют обоими этими искусствами, каждый маг относится к какой-то одной категории. Тайша Абеляр принадлежит к сталкерам и занималась под их руководством. Эта книга увлекательно повествует о ее занятиях искусством сталкинга.

Вступление

Я посвятила свою жизнь целеустремленным занятиям дисциплиной, которую, за неимением лучшего названия, мы именуем магией. Но я также являюсь антропологом и получила ученую степень доктора философии в этой области. Я упомянула об этих двух сферах своей деятельности именно в таком порядке потому, что мое увлечение магией шло первым. Обычно человек становится антропологом, а затем изучает какие-то аспекты человеческой культуры – в частности, магические культы. Но со мной случилось все наоборот: занимаясь магией, я начала изучать антропологию.

В конце 60-х, когда я проживала в Таксоне, штат Аризона, я встретила женщину-мексиканку по имени Клара Грау, которая пригласила меня погостить в свой дом в мексиканском штате Сонора. Приняв меня там, она сделала все от нее зависящее, чтобы посвятить меня в тайны своего мира, ведь в действительности она была магом – одной из шестнадцати человек, которые образовывали цельную магическую группу. Некоторые из них были индейцами племени яки, другие – мексиканцами разного происхождения и воспитания, возраста и пола. Большинство составляли женщины. Все они настойчиво преследовали одну цель: стремились преодолеть общественные предубеждения и связанные с ними стереотипы восприятия, которые препятствуют нашему выходу за рамки обычного повседневного мира и проникновению в другие возможные миры.

Для магов преодоление этих стереотипов восприятия означает возможность пересечь грань и войти в невообразимое. Этот немислимый скачок они называют «магическим переходом». Иногда они говорят, что это и есть тот «полет в абстрактное», который переносит нас из материального, физического мира в сферу расширенного восприятия и безличностных трансцендентных сущностей.

Эти маги по собственной инициативе взялись помочь мне постичь *полет в абстрактное*, с тем чтобы я могла впоследствии присоединиться к ним в их деятельности.

Академические занятия стали для меня неотъемлемой частью моей подготовки к *магическому переходу*. Лидер группы магов, к которой я отношу себя, или *нагваль*, как мы его называем, – это человек, который проявляет живой интерес к формальным научным знаниям. Вследствие этого все его подопечные должны были в совершенстве овладеть абстрактным мышлением, которому обучают в наши дни только в университетах.

У меня возникла необходимость получить высшее образование также и потому, что я – женщина. Ведь женщин с раннего детства воспитывают в духе зависимости от инициативы мужчин, которым в нашем обществе отведена роль мыслителей и реформаторов. Маги, у которых я занималась, были довольно категоричны в своих мнениях по этому поводу. Они считали, что женщина обязательно должна развивать свой интеллект и овладевать навыками рационального анализа для того, чтобы увереннее чувствовать себя в современном мире.

Кроме того, развитие интеллекта является хитроумной магической уловкой. Сознательно занимая ум размышлениями и анализом, маги получают возможность беспрепятственно исследовать иные сферы восприятия. Другими словами, пока рациональная сторона занимается формальными академическими науками, энергетическая, или иррациональная сторона, которую маги называют «двойником», посвящает себя выполнению магических действий. При этом недоверчивый рациональный ум не так часто вмешивается в процессы, происходящие на иррациональном уровне, а нередко и просто не замечает их.

Поэтому мои занятия наукой шли рука об руку с расширением сознания и приобретением неординарных качеств восприятия: эти два аспекта деятельности развивают все наше существо. Оказывая на меня одновременное воздействие, эти две стороны моей жизни перенесли меня из того само-собой-разумеющегося мира, в котором я была рождена и воспитана

как женщина, в новую для меня область восприятия, где отсутствуют многие ограничения, свойственные обычному миру.

Нельзя сказать, что одной лишь приверженности магическому миру было бы достаточно для того, чтобы преодолеть все препятствия, которые возникали на моем пути. Дело в том, что влияние обычного мира так сильно и устойчиво, что, несмотря на усердие и прилежание, практикующие магию снова и снова обнаруживают себя в ситуациях, где их охватывает самый обычный страх, где они ведут себя неразумно и привязываются к вещам так, словно совсем ничему не научились. Мои учителя предостерегали меня, что я в этом смысле тоже не являюсь исключением и что только непрекращающиеся ни на минуту настойчивые усилия, направленные на достижение совершенства, могут совладать с нашим естественным, но очень неконструктивным желанием ничего не менять.

После тщательного рассмотрения того, что уже достигнуто мной, и того, что еще предстоит совершить, посоветовавшись со своими друзьями-магами, я пришла к выводу о необходимости описать весь процесс своих занятий для того, чтобы все, кто стремится постичь неизведанное, могли узнать о важности развития навыков более тонкого восприятия, чем наше обычное. Эти более высокие уровни восприятия должны стать неотъемлемой частью нового, трезвого и прагматичного образа жизни. Но их не следует ни при каких условиях рассматривать в качестве продолжения нашего обычного взгляда на мир.

События, которые я описываю в книге, представляют собой первые шаги в магической практике сталкера. Эта стадия занятий подразумевает искоренение стереотипов мышления, поведения и эмоционального реагирования посредством традиционных магических средств, одним из которых является «вспоминание» – метод пересмотра своего жизненного опыта, через который проходят все неофиты. В дополнение к практике вспоминания меня обучили также ряду упражнений, которые называются «магические приемы» и представляют собой сочетание определенных движений и дыхания. И наконец для того, чтобы смысл этих упражнений стал понятен, моему вниманию предлагались соответствующие философские идеи и объяснения.

Целью всего, что я изучала, было научиться накапливать и перераспределять энергию, которая затем может быть использована для совершения самых непредсказуемых манипуляций с восприятием, необходимых для осуществления магических действий. В основе всех занятий лежала идея о том, что, как только навязчивые привычки, предвзятые мнения, ожидания и ощущения исчезают, человек сразу же получает возможность накопить достаточное количество энергии для того, чтобы жить, руководствуясь представлениями, которые бытуют в магической традиции, – и убеждаться в их правильности, непосредственно постигая реальность на более глубоком уровне.

1. Неожиданное знакомство

Я выбрала уединенное место подальше от шоссе и людей. Мне хотелось ранним утром сделать зарисовку теней на склонах гор удивительного горного массива вулканического происхождения, который окаймляет пустыню Гран-Дезьерто на юге штата Аризона. Темно-коричневые остроугольные скалы засверкали, когда первые лучи солнца выплеснулись на их вершины. Вокруг меня были разбросаны огромные глыбы пористых пород – застывшая лава, напоминающая о том, что в далеком прошлом здесь произошло гигантское извержение вулкана. Я устроилась поудобнее на большой глыбе и, позабыв обо всем на свете, погрузилась в свою работу, как случалось нередко в этом диком, но прекрасном месте. Я как раз закончила рисовать выступы и впадины далекой горной гряды, когда заметила, что за мной наблюдает какая-то женщина. Мне стало крайне неприятно, что кто-то снова вторгся в мое одиночество. Я изо всех сил старалась не замечать ее, но, когда она подошла поближе, чтобы посмотреть на мой рисунок, я рассерженно повернулась к ней лицом.

По широким скулам и черным волосам, спадающим на плечи, ее можно было принять за евроазиатку. Крепкое, красиво сложенное тело не давало возможности судить о ее возрасте. Он мог быть любым в пределах от тридцати до пятидесяти. Она, вероятно, была дюйма на два выше меня – а это означало, что ее рост равен пяти футам и девяти дюймам, – но казалась вдвое крупнее меня. И в то же время в своей куртке восточного покроя и черных шелковых брюках она выглядела очень изящно.

Я обратила внимание на ее глаза. Они были зелеными и сверкающими. Именно этот дружелюбный блеск в одно мгновение погасил всю мою злость, и я услышала, как задаю ей нелепый вопрос:

– Вы живете где-то поблизости?

– Нет, – сказала она, сделав несколько шагов в моем направлении. – Я направляюсь в сторону пропускного пункта на границе Штатов, в городок Сонойта. Я остановилась здесь, чтобы поразмять ноги, и вот зашла в это безлюдное место. Увидев, что в этой глуши уже кто-то есть, я так удивилась, что не смогла удержаться, чтобы не полюбопытствовать. Позвольте представиться. Меня зовут Клара Грау.

Она протянула мне руку, и я пожала ее, а затем без каких-либо колебаний сказала ей, что сразу после рождения мне дали имя Тайша, но впоследствии мои родители решили, что это имя не слишком подходит для Америки, и начали называть меня Мартой, так же, как зовут мою мать. Я невзлюбила это имя и решила, что пусть уж лучше меня зовут Мэри.

– До чего интересно! – изумилась она. – У тебя три имени, и все они различны. Я буду величать тебя Тайша, потому что это твое первое имя.

Мне было приятно, что она выбрала именно это имя. Оно было мне ближе всего. Хотя я и согласилась со своими родителями, что оно звучит слишком непривычно, мне настолько не нравилось имя Марта, что я втайне вынашивала мысль о том, чтобы вернуть себе имя Тайша.

Резким тоном, который она, тем не менее, смягчила ласковой улыбкой, она произнесла целый ряд утверждений, которые явно были скрытыми вопросами.

– Ты не уроженка Аризоны, – начала она.

Я прямо ответила ей, что было для меня очень нетипично из-за моей привычки не доверять людям, особенно незнакомцам.

– Я приехала в Аризону год назад на работу.

– Тебе не больше двадцати лет.

– Через пару месяцев мне исполнится двадцать один.

– У тебя едва заметный акцент. По-видимому, ты не американка, но я не могу точно указать твою национальность.

– Я – американка, но детство провела в Германии, – сказала я. – Мой отец – американец, а мать – венгерка. Я оставила родительский дом, когда поступила в колледж, и уже не вернулась туда, потому что не хотела иметь ничего общего со своей семьей.

– Надо полагать, ты не поладила с ними?

– Нет. Дома я чувствовала себя отстраненно. Все никак не могла дождаться возможности уйти оттуда.

Она улыбнулась и понимающе кивнула, будто сама тоже была хорошо знакома с желанием убежать из дому.

– Ты замужем? – спросила женщина.

– Нет. У меня нет никого во всем мире, – ответила я, жалея себя, как делала всегда, когда мне приходилось говорить о себе.

Она никак не отреагировала на мои слова, но начала спокойно и деловито рассказывать о себе, как будто старалась завоевать мое доверие и в то же время сообщить мне в каждой своей фразе как можно больше сведений.

Когда она говорила, я положила карандаши в сумку и не отрывала взгляда от незнакомки, потому что мне не хотелось создавать впечатление, что я слушаю ее невнимательно.

– Я была единственным ребенком в семье, и моих родителей сейчас уже нет в живых, – сказала она. – Мой отец родом из мексиканской семьи из города Оахака. Но мать моя – американка немецкого происхождения. Ее родня и сейчас живет в восточных штатах, в Фениксе. Я как раз возвращаюсь со свадьбы одного из своих двоюродных братьев.

– Вы тоже живете в Фениксе? – спросила я.

– Полжизни я провела в Аризоне, а другую половину – в Мексике, – ответила она. – Сейчас я живу в мексиканском штате Сонора.

Я начала застегивать свой портфель. Встреча и разговор с этой женщиной несколько выбили меня из колеи, и я поняла, что в этот день уже не смогу больше ничего рисовать.

– А еще я путешествовала по Востоку, – сказала она, вновь привлекая мое внимание. – Там я изучала боевые искусства, акупунктуру и местную медицину. Несколько лет я даже жила в буддистском храме.

– Серьезно? – Я удивленно посмотрела в ее глаза. По ним действительно можно было сказать, что она долго занималась медитацией. В них чувствовалась сила, но взгляд был спокоен.

– Я очень интересуюсь Востоком, – сказала я, – особенно Японией. Я тоже читала о буддизме и изучала боевые искусства.

– Серьезно? – Она с удивлением задала мне тот же вопрос. – С удовольствием поведала бы тебе свое буддистское имя, но тайные имена можно произносить лишь при определенных обстоятельствах.

– Я сказала вам свое тайное имя, – упрекнула я, застегивая ремешки своего портфеля.

– Да, Тайша, это так, и для меня это имеет большое значение, – ответила она неподдельно серьезным тоном. – И все же, сейчас не время для этого.

– Вы приехали сюда на машине? – спросила я, оглядываясь в поисках ее автомобиля.

– А я как раз то же самое собиралась спросить у тебя, – сказала она.

– Я оставила свою машину за четверть мили к югу отсюда, на грязной дороге. А вы?

– Ты приехала на белом «шевроле»? – спросила она весело.

– Да.

– Ну, в таком случае моя машина стоит рядом с твоей, – ответила она, хихикая так, будто это было очень забавно. Я была удивлена, когда заметила, что у нее такой неприятный смех.

– Я уже собралась уходить, – сказала я. – Было очень приятно с вами познакомиться. До свидания!

Я направилась в сторону своей машины, ожидая, что женщина задержится еще на некоторое время для того, чтобы полюбоваться пейзажем.

– Давай пока не будем прощаться, – запротестовала она. – Я иду с тобой.

Мы пошли вместе. Рядом с моими ста десятью фунтами она выглядела как большой валун. Ее тело было плотным и сильным. Глядя на нее, можно было сказать, что она склонна к полноте, но она не была тучной.

– Можно задать вам нескромный вопрос, миссис Грау? – сказала я для того, чтобы прервать неловкое молчание.

Она остановилась и повернулась ко мне лицом.

– Я тебе – не чья-нибудь миссис! – резко произнесла она. – Я – Клара Грау. Можешь называть меня Кларой и обращаться ко мне на «ты», и еще можешь без предупреждения спрашивать меня о чем пожелаешь.

– Вижу, ты не очень лестного мнения о любви и браке, – заметила я, обратив внимание на ее тон.

Какое-то мгновение она смотрела на меня испепеляющим взглядом, но через миг смягчилась.

– Я нелестного мнения о рабстве, – ответила она. – Однако я имею в виду не только женщин. Так что ты там собиралась спрашивать?

Ее поведение было таким неожиданным для меня, что я забыла, что было у меня на уме, когда я обращалась к ней после паузы. Я смущенно уставилась на нее.

– Почему ты решила отъехать так далеко от шоссе? – поспешно спросила я.

– Я свернула сюда потому, что это *место силы*, – ответила она, указывая на большие нагромождения лавы вдали. – Когда-то эти горы выступили на поверхности земли так, как на теле выступает кровь. Проезжая через Аризону, я всегда делаю крюк, чтобы заехать сюда. Это место излучает особую земную энергию. А теперь разреши мне спросить тебя то же самое, почему *ты* избрала для рисования именно это место?

– Я часто бываю здесь. Это одно из моих любимых мест.

Я не думала, что мои слова покажутся ей смешными, но она залилась смехом.

– Этим все сказано! – воскликнула она, а затем продолжила более спокойным голосом: – Я собираюсь попросить тебя сделать то, что тебе может показаться странным и даже глупым, но сначала выслушай меня. Я хочу пригласить тебя в свой дом погостить на несколько дней.

Я было уже подняла руку, чтобы поблагодарить ее и отказаться, но она попросила меня не торопиться. Она уверила меня, что наш общий интерес к Востоку и боевым искусствам могут послужить основанием для серьезного обмена мнениями.

– Где именно ты живешь? – спросила я.

– Недалеко от городка Навохоа.

– Но это более чем в четырехстах милях отсюда.

– Да, это довольно далеко. Но там такие тихие и красивые места, что я не сомневаюсь: ты будешь довольна.

Она помолчала некоторое время, как бы ожидая моего ответа.

– Кроме того, мне кажется, что в настоящее время ты как раз ничем не занята, – продолжила она, – и ты сама не знаешь, что будешь делать дальше. Знаешь, может быть, я предлагаю тебе именно то, что ты уже давно ищешь.

Она была права в том отношении, что я действительно понятия не имела, что мне делать дальше. Недавно я бросила работу секретарши, собираясь заняться рисованием. Однако у меня не было ни малейшего желания ехать к кому-либо в гости.

Я оглянулась вокруг в поисках чего-нибудь, что бы могло подсказать мне, как правильно поступить. Я никогда не могла объяснить, откуда у меня появилось представление о том, что человек может черпать помощь и советы из своего окружения. Но мне почти всегда удавалось получить подсказку таким образом. У меня был метод, который, казалось, родился вместе со мной и с помощью которого я могла узнавать ответы на интересующие меня вопросы. Для этого

я обычно давала своим мыслям уплыть, сосредоточивая взгляд на линии горизонта на юге, хотя и не имела ни малейшего представления, почему выбрала именно юг. После нескольких минут молчания ко мне, как правило, приходили прозрения, помогающие понять, чем заниматься или как действовать в данной ситуации.

Шагая по тропинке вместе с Кларой, я остановила взгляд на горизонте в южном направлении и неожиданно увидела, что жизнь простирается передо мной, как эта бесплодная пустыня. Я искренне могла сказать, что никогда раньше не замечала, насколько одинока и заброшена эта земля, хотя я и до этого не раз бывала в Соноранской пустыне, которая занимает весь юг штата Аризона, часть Калифорнии и половину мексиканского штата Сонора.

Потребовалось всего лишь мгновение для того, чтобы вид бесплодной и безлюдной пустыни воплотился в конкретные мысли. Я порвала со своей семьей, но не завела еще своей собственной. У меня даже не было никаких планов на будущее. Я нигде не работала. Я жила на скудные сбережения, доставшиеся мне по наследству от тети, в честь которой я получила свое имя, но они уже подходили к концу. В этом мире я была совсем одинока. Необъятное пространство, простирающееся во всех направлениях, было жестоко и безразлично. Его вид вызвал во мне прилив жалости к себе. Я почувствовала, что мне нужен друг, который сможет положить конец моему одиночеству.

Я знала, что с моей стороны очень глупо принимать приглашение Клары и оказаться в ситуации, которую я едва ли смогу контролировать, но в прямоте ее характера и энергичности было что-то такое, что вызывало во мне любопытство и заставляло ее уважать. Я заметила, что восхищаюсь ее красотой и силой, а может быть, даже завидую ей. Я подумала, что это была самая удивительная и яркая женщина из всех, которых я знала, – независимая, уверенная в своих силах, спокойная и в то же время незакомплексованная и не без чувства юмора. Она была наделена как раз теми качествами, которыми мне самой больше всего хотелось бы обладать. Но, помимо всего прочего, ее присутствие, казалось, может положить конец бесцельности моей жизни. Пространство вокруг нее становилось насыщенным энергией, полным надежд и возможностей.

Однако у меня было незыблемое правило не принимать приглашений погостить, которое в данном случае подкреплялось еще и тем, что Клару я встретила в пустыне случайно. Я подумала, что согласие погостить у нее будет означать, что я должна буду пригласить ее потом к себе, а к этому я совершенно не была готова, потому что в Туксоне жила в небольшой квартире. Какое-то время я не могла принять решение, не зная, куда повернуть.

– Пожалуйста, соглашайся, – настаивала Клара. – Ты сделаешь мне большое одолжение.

– Ладно, мне кажется, что я смогу поехать с тобой, – вяло произнесла я, желая на самом деле сказать обратное.

Она радостно взглянула на меня, и мне пришлось скрыть свою панику нарочито задорной фразой, хотя мне было совсем не весело.

– Мне пойдет на пользу перемена обстановки, – сказала я. – Новое приключение!

Она одобритительно кивнула.

– Ты не пожалеешь об этом, – сказала она тоном, в котором чувствовалась такая уверенность, что все мои сомнения сразу же рассеялись. – Мы сможем вместе позаниматься боевыми искусствами.

Она сделала руками несколько быстрых движений, которые были одновременно грациозны и энергичны. Мне казалось невероятным то, что эта плотно сложенная женщина может быть такой подвижной.

– Какие конкретно стили восточных единоборств ты изучала? – спросила я, замечая, что она непринужденно заняла стойку борца с длинным шестом.

– На Востоке я изучала все стили, но не останавливалась надолго ни на одном из них, – сказала она, будто собираясь улыбнуться. – Когда мы приедем ко мне, я с удовольствием покажу их тебе.

Остаток пути мы прошли в тишине. Придя на то место, где стояли машины, я села за руль и ждала, что скажет Клара.

– Что ж, трогаемся, – отозвалась она. – Я буду ехать впереди и показывать тебе дорогу. Ты как любишь ездить, быстро или медленно, Тайша?

– Как черепаха.

– И я тоже. Жизнь в Китае отучила меня от спешки.

– Можно задать тебе вопрос о Китае, Клара?

– Конечно. Я уже говорила, что ты можешь без разрешения спрашивать у меня все что хочешь.

– Ты, наверное, была в Китае до Второй мировой войны, правда?

– О да. Я была там в прошлой жизни. Полагаю, что ты в самом Китае никогда не бывала?

– Да, не бывала. Я бывала только на Тайване и в Японии.

– Конечно же, после войны там многое изменилось, – многозначительно произнесла Клара. – Порвалась связь с прошлым. Теперь это совсем другая страна.

Сама не знаю почему, но я побоялась спрашивать ее, что она имеет в виду, и поэтому задала вопрос о том, как долго ехать до ее дома. Клара высказалась очень неопределенно, и это обеспокоило меня. Она лишь предупредила меня, чтобы я была готова к длительной поездке. Затем ее голос смягчился, и она отметила, что моя смелость определенно ее радует.

– Если кто-то ведет себя так беспечно с незнакомым человеком, – сказала она, – это свидетельствует либо о крайней глупости, либо о великом дерзании.

– Обычно я очень осторожна, – объяснила я, – но сегодня я что-то совсем на себя не похожа.

Это была правда, и чем больше я думала о своем необъяснимом поведении, тем больше мне становилось не по себе.

– Пожалуйста, расскажи мне побольше о себе, – попросила она ласковым голосом, а затем подошла и стала рядом с дверцей моей машины, словно для того, чтобы вселить в меня уверенность.

И снова я обнаружила к своему удивлению, что начала рассказывать о себе всю правду.

– Моя мать – венгерка, но из старого австрийского рода, – сказала я. – Она встретилась с отцом во время Второй мировой войны, когда они вместе работали в полевом госпитале. После войны они переехали в Соединенные Штаты, а затем отправились в ЮАР.

– Что они делают в ЮАР?

– Моя мать всегда хотела быть вместе с родней, которая проживает там.

– У тебя есть братья и сестры?

– У меня двое братьев, возраст которых отличается на один год. Старшему сейчас двадцать шесть.

Ее глаза были устремлены на меня. И с неожиданной легкостью я поведала ей обо всех своих горестных переживаниях, которые были заперты в моей памяти в течение всей жизни. Я сказала ей, что выросла в одиночестве. Мои братья никогда не обращали на меня внимания, потому что я была девочкой. Когда я была маленькой, они часто привязывали меня к столбу, как собаку, а сами бегали по двору или играли в футбол. Все, что я могла делать, – это ходить туда-сюда, натягивая веревку, и смотреть, как они развлекаются. Потом, когда я подросла, я начала бегать за ними. Но к тому времени у них обоих уже были велосипеды, и я никак не могла за ними угнаться. Когда я начинала жаловаться матери, что бывало довольно часто, она отвечала, что мальчишки – это мальчишки, а я – девочка и поэтому должна играть с куклами и помогать по дому.

– Твоя мать воспитывала тебя в традиционном европейском духе, – сказала она.

– Знаю, но от этого мне не легче.

Стоило мне только начать, как я уже не могла остановиться и продолжала рассказывать этой женщине все, что помнила о своем детстве. Я сказала, что с каждым годом все чаще оставалась единственным ребенком в доме, потому что братья часто ездили в путешествия, а позже поступили в колледж с проживанием по месту учебы. Я хотела, чтобы моя жизнь была полна приключений, но мать учила меня, что девочки должны застилать кровати и гладить белье. Забота о семье – это уже приключение, любила повторять мать. Женщины рождаются для того, чтобы подчиняться. Я была уже на грани слез, когда рассказывала Кларе, что, сколько себя помню, должна была прислуживать трем хозяевам-мужчинам: отцу и двум братьям.

– Это звучит впечатляюще, – заметила Клара.

– Это было ужасно. Я вырвалась из дому и решила держаться от него как можно дальше, – сказала я. – И конечно, жить с приключениями. Но вплоть до настоящего времени мне так и не удалось получить то, к чему я стремилась. Наверное, меня просто воспитали так, что я не могу быть счастливой и беззаботной.

Описав свою жизнь незнакомке, я почувствовала себя очень неуютно. Я перестала рассказывать и посмотрела на Клару, ожидая от нее реакции, которая либо устранил мое беспокойство, либо усилит его до такой степени, что я решу никуда с ней не ехать.

– Что ж, кажется, ты умеешь делать хорошо только одно и поэтому предаешься этому занятию сколько хочешь, – сказала она.

Я думала, что она имеет в виду мое увлечение живописью и графикой, и была вконец раздосадована, когда она добавила:

– Все, что ты умеешь делать, – это жаловаться на свою жизнь.

Я плотно сжала пальцами ручку дверцы кабины.

– Неправда! – запротестовала я. – Кто ты мне, чтобы говорить так?!

Она засмеялась и понимающе покачала головой.

– Мы с тобой во многом похожи, – сказала она. – Нас учили быть пассивными и послушными, приспособливаться к обстановке, но внутри у нас все кипит. Мы подобны вулкану, который вот-вот должен начать извергаться, и наше положение усугубляется еще и тем, что у нас нет другой надежды, кроме мечты о том, что в один прекрасный день мы встретим хорошего мужчину, который вытянет нас из этого болота.

От удивления я не могла ничего сказать.

– Ну что? Разве я не права? Разве это не так? – настаивала она. – Скажи, положи руку на сердце, разве я не права?

Я сжала пальцы в кулаки, собираясь послать ее подальше. Но Клара тепло улыбнулась, излучая одновременно силу и благополучие, и я тут же почувствовала, что не могу лгать ей или скрывать от нее то, что думаю.

– Ты прочла мои мысли, – согласилась я.

Мне пришлось признать, что единственным, что придавало смысл моему ужасному существованию, кроме занятий рисованием, была надежда на то, что когда-нибудь я все-таки встречу мужчину, который поймет меня и оценит по достоинству все уникальные качества моей личности.

– Может быть и так, что в ближайшее время твоя жизнь изменится к лучшему, – сказала она с ноткой надежды в голосе.

Она села в свою машину и жестом пригласила меня следовать за собой. И только тут я поняла, что она ни разу так и не спросила меня, есть ли у меня паспорт, одежда, деньги или какие-то срочные дела. Но это меня не испугало и не обескуражило. Сама не зная почему, я почувствовала, что приняла правильное решение, как только сняла машину с ручного тормоза и начала двигаться. Должна же была моя жизнь когда-нибудь измениться.

2. Путь в Мексику

После более чем трех часов непрерывной езды мы остановились пообедать в городе Гуаймас. Пока мы ждали, когда нам подадут еду, я выглянула из окна на узкую улочку, примыкающую к заливу. Орава голых до пояса мальчишек гоняла мяч. Неподалеку рабочие строили кирпичный дом. У некоторых из них уже начался обеденный перерыв, и они потягивали из бутылок газировку, прислонившись спиной к штабелям запечатанных мешков с цементом. Я подумала, что Мексика повсюду – очень шумное и грязное место.

– В этом ресторане всегда подают вкуснейший черепаховый суп, – сказала Клара, привлекая к себе мое внимание.

Через мгновение улыбающаяся официантка с серебряным передним зубом поставила на стол перед нами две тарелки с супом. Клара вежливо обменялась с ней несколькими репликами на испанском, прежде чем официантка принялась поспешно обслуживать других посетителей.

– Я никогда раньше не ела черепахового супа, – сказала я, взяв в руки ложку и внимательно рассматривая, насколько она чистая.

– Тебе предстоит получить море удовольствия, – сказала Клара, наблюдая, как я вытираю ложку бумажной салфеткой.

Я неохотно попробовала суп. Кусочки белого мяса, которые плавали в густом томатном соусе, были на самом деле очень вкусны.

Я съела несколько ложек супа, а затем спросила:

– Где они берут черепах?

Клара указала на окно.

– Прямо из залива.

Статный мужчина средних лет, сидевший за соседним столиком, повернулся ко мне и подмигнул. Этот его жест, как мне показалось, скорее напоминал поведение весельчака, чем заигрывание. Он повернулся ко мне и, словно продолжая начатый разговор, сказал по-английски с сильным акцентом:

– Черепаха, которую вы едите, была очень большая.

Клара посмотрела на меня и подняла брови, будто не могла поверить, что незнакомец оказался таким нахальным.

– Эта черепаха была такой большой, что ее хватило бы, чтобы накормить дюжину голодных людей, – продолжал он. – Они ловят черепах в море. Для того чтобы вытянуть одну такую тварь на берег, нужно несколько человек.

– Наверное, они бьют их гарпунами, как китов, – заметила я.

Мужчина проворно переставил свое кресло к нашему столу.

– Нет, я знаю, что они используют большие сети, – сказал он. – Затем они бьют черепах дубинками, чтобы те потеряли сознание, прежде чем вскрыть им живот. Если поступать таким образом, мясо не становится жестким.

Мой аппетит улетел в окно. В этот момент мне меньше всего хотелось, чтобы этот простодушный навязчивый незнакомец забавлял нас своими рассказами, сидя у нас за столом, – но я не знала, как себя повести.

– Коли мы уж заговорили о еде, нужно отметить, что Гуаймас славится своими блюдами из креветок, – продолжал мужчина с обезоруживающей улыбкой на лице. – Если позволите, я закажу одно такое блюдо для вас обеих.

– Я уже сделала это, – сказала Клара резко.

Как раз в этот момент снова подошла официантка и принесла тарелки с самыми большими креветками, каких я когда-либо видела. Одной этой креветки хватило бы на целый бан-

кет, и было очевидно, что мы просто не сможем вдвоем съесть все это, как бы голодны мы ни были.

Наш непрошенный компаньон взглянул на меня так, словно ожидал, что я приглашу его присоединиться к нашей трапезе. Если бы я была одна, ему явно бы удалось вопреки моей воле привязаться ко мне. Но у Клары были другие планы, и она поступила решительно. Она с кошачьей грацией вскочила на ноги и, повернувшись к мужчине, посмотрела прямо ему в глаза.

– Проваливай отсюда, идиот! – закричала она по-испански. – Как ты осмелился сесть за наш стол?! Это моя племянница, а не какая-нибудь шлюха!

В ней чувствовалась такая сила, а голос звучал так властно, что все в зале замерли. Со всех сторон глаза уставились на наш столик. Мужчина съежился так беспомощно, что мне стало его жаль. Он боком выскользнул из кресла и, можно сказать, выполз из ресторана.

– Я знаю, что тебя приучили уступать мужчинам уже только потому, что они мужчины, – сказала мне Клара, снова сев на свое место. – Ты всегда любезничаешь с ними, а они выжимают из тебя все твои соки. Разве ты не знаешь, что мужчины питаются женской энергией?!

Мне было слишком не по себе, чтобы пререкаться с ней. Я чувствовала, что все глаза в зале устремлены на меня.

– Ты потакаешь им потому, что чувствуешь к ним жалость, – продолжала Клара. – В глубине своей души ты отчаянно стремишься к тому, чтобы позаботиться о мужчине, о любом из них. Если бы этот недоумок оказался женщиной, ты бы никогда не позволила ему сесть за наш столик.

Мой аппетит был потерян безвозвратно. Я мрачно задумалась.

– Вижу, что задела болезненное место, – сказала Клара, криво улыбаясь.

– Это ты затеяла всю эту сцену. Ты поступила грубо, – сказала я с упреком.

– Конечно, – ответила она, посмеиваясь. – И к тому же напугала его чуть ли не до смерти. – Ее лицо было так открыто, и говорила она настолько беззаботно, что мне тоже ничего не оставалось делать, как рассмеяться, вспомнив, какой вид был у этого типа.

– Я поступаю точно как моя матушка, – проворчала я. – Следует признать, что ей удалось сделать из меня сухую мышь во всем, что касается мужчин.

Как только я выразила вслух эту мысль, мое плохое настроение исчезло, и я снова ощутила голод. Мало-помалу я съела почти всю креветку.

– Ничто не сравнится с удовольствием от продолжения поездки с полным желудком, – заявила Клара.

Креветка едва не зашевелилась в моем животе, когда я внезапно ужаснулась. Наше знакомство состоялось так неожиданно, что я даже не спросила у Клары о ее доме. Может быть, это разваливающаяся лачуга, похожая на те, что я видела, когда мы раньше проезжали по мексиканским городам. И что я там буду есть? Возможно, только что я ела нормальную пищу в последний раз. Какую воду я буду пить? Я вообразила себя с сильным расстройством желудка. Я совсем не представляла себе, как спросить у Клары о том, где мне придется жить, и при этом не обидеть ее и не показаться неблагодарной. Клара критически взглянула на меня. Казалось, она почувствовала мое беспокойство.

– Мексика – это суровое место, – сказала она. – Приходится быть начеку постоянно. Но скоро ты привыкнешь.

Северная часть страны даже более неприглядна, чем все остальные. Люди съезжаются сюда отовсюду либо в поисках работы, либо как на перевалочный пункт перед тем, как пересечь границу со Штатами. Люди прибывают сюда целыми поездами. Некоторые из них остаются на побережье, а другие уезжают в глубь страны в кузовах грузовиков для того, чтобы найти работу на огромных сельскохозяйственных угодьях, которыми владеют частные компании. Еды

и работы на всех просто не хватает, поэтому большинство уезжает в Соединенные Штаты в качестве сезонных рабочих.

Между тем я доела остатки супа, поскольку обычно чувствовала себя виноватой, если что-то оставляла в тарелке.

– Расскажи мне больше об этих местах, Клара.

– Все местные индейцы принадлежат к племени яки, которое было переселено когда-то в Соноранскую пустыню согласно постановлению правительства.

– Ты хочешь сказать, что они раньше жили не здесь?

– Это действительно их исконные земли, – ответила Клара, – но в двадцатых или тридцатых годах их оторвали от земли и десятками тысяч отправили на жительство в центр страны. Затем в конце сороковых их вернули назад в Соноранскую пустыню.

Клара наполнила минеральной водой свой стакан, а затем мой.

– Жить в Соноранской пустыне нелегко, – сказала она. – Ты, наверное, видела, когда мы проезжали по ней, что земли здесь неплодородные, негостеприимные. Однако у индейцев племени яки нет другого выбора. Им приходится селиться в лачугах там, где была когда-то река Яки. В далеком прошлом предки нынешних яки построили возле реки свои священные города и жили в них сотни лет, пока не пришли испанцы.

– Мы будем проезжать мимо этих городов? – спросила я.

– Нет, сейчас у нас нет для этого времени. Я хочу добраться в Навохоа до наступления темноты. Возможно, когда-нибудь мы специально съездим туда, чтобы посмотреть эти священные города.

– А почему они священны?

– Потому что для индейцев местоположение каждого города вдоль реки соответствует определенному аспекту их мифологического мира. Как и вулканические горы в Аризоне, это *места силы*. У индейцев очень богатая мифология. Они верят, что могут входить в мир снов и выходить из него в одно мгновение. Видишь ли, их представление о реальности совершенно отлично от нашего.

– В соответствии с мифами яки, эти города существуют также и в ином мире, – продолжала Клара, – и именно из этой тонкой сферы черпают индейцы свою силу. Они называют себя людьми без разума для того, чтобы отличить себя от нас, людей с разумом.

– Что такое та сила, которую они получают оттуда? – спросила я.

– Это магия, волшебство, знание. Все это приходит к ним непосредственно из мира снов. Этот мир описан в их легендах и преданиях. У индейцев яки существует богатая, многообразная традиция устных преданий.

Посмотрев вокруг себя на переполненный ресторан, я спросила себя, кто из сидящих за столиками является индейцами, если таковые здесь вообще есть, а кто – мексиканцами. Некоторые люди были высокими и жилистыми, тогда как другие – низкими и коренастыми. Все они казались мне чужими, и я втайне чувствовала свое превосходство над ними. Поэтому мне казалось, что я определенно нахожусь не на своем месте.

Клара доела свою креветку, а также фасоль и рис. Я знала, что объелась, но, несмотря на мой протест, она настояла на том, чтобы заказать еще заварной карамельный крем в качестве десерта.

– Наедайся как следует, – сказала она, подмигивая мне. – Кто знает, когда можно будет поесть в следующий раз и что это будет. Здесь, в Мексике, мы всегда едим до отвала.

Я знала, что она подшучивает надо мной, но все же чувствовала правду в ее словах. Раньше в этот день я видела мертвого осла, лежащего на обочине шоссе. Его сбила машина. Я знала, что в сельской местности нет холодильников, и поэтому люди едят любое мясо, которое имеется в наличии. Я не могла не беспокоиться по поводу того, что мне придется есть в следующий раз. Про себя я решила ограничить свое пребывание у Клары несколькими днями.

Более серьезным голосом Клара продолжала свой рассказ.

– Но час от часу не легче, и у индейцев появились новые трудности, – сказала она. – Когда правительство возвело плотину, чтобы построить гидроэлектростанцию, русло реки Яки так изменилось, что людям пришлось собрать свои вещи и переехать в другое место.

Суровость этой страны контрастировала с моим привычным окружением, где всегда хватало еды и уюта. Я спрашивала себя, не могло ли быть так, что мой приезд в Мексику был проявлением моего глубинного желания полной перемены обстановки. Всю свою жизнь я искала приключений, но теперь, когда моя мечта могла осуществиться, меня сковывал страх перед неизвестным.

Я попробовала карамельного крема и выбросила из головы все те опасения, которые преследовали меня с момента встречи с Кларой в пустыне Аризоны. Мне было приятно в ее компании. И хотя сейчас, когда я была сыта после креветки и черепахового супа, Клара предупредила, что это, возможно, моя последняя нормальная еда, я решила довериться ей и предоставить возможность приключению развиваться.

Клара настояла на том, чтобы уплатить по счету. Мы заполнили баки горючим и снова выехали на трассу. Проехав еще несколько часов, мы прибыли в Навохоа. Не останавливаясь в самом городе, мы проехали через него, а затем свернули с шоссе «Пан Америкэн» на посыпанную гравием дорогу, ведущую на восток. Было далеко за полдень, но я совсем не устала и даже наслаждалась оставшимся путем. Чем дальше мы продвигались на север, тем большая радость и покой сменяли мое обычное угнетенное состояние.

После часа езды по выбоинам Клара свернула с дороги и пригласила меня следовать за собой. Через некоторое время грунтовая дорога привела нас к высокой стене, по которой вилась цветущая бугенвиллея². Мы оставили машины на поляне у конца стены, где трава была сильно вытоптана.

– Вот здесь я и живу, – сказала мне Клара, вылезая из кабины.

Я подошла к ее машине. Клара выглядела уставшей и как будто еще более полной.

– Ты так хорошо выглядишь, что можно подумать, будто ты и не ехала так долго, – заметила она. – О чудеса молодости!

По другую сторону стены между деревьями и густым кустарником кое-где проглядывал крытый черепицей дом с зарешеченными окнами и несколькими балконами. Будто во сне, я проследовала за Кларой через калитку из фигурных железных прутьев, мимо мощенного кирпичом внутреннего дворика, до тяжелой деревянной двери, которая явно была черным ходом. Терракотовый черепичный пол в прохладном пустом холле подчеркивал строгость выбеленных стен и темные перекладины потолка, сделанные из цельных неокрашенных бревен. Через холл мы прошли в просторную гостиную.

Белые стены здесь окаймлялись по краям со вкусом разрисованной черепицей. Два безупречно чистых бежевых дивана и четыре кресла были расположены вокруг тяжелого деревянного кофейного столика. На столе лежало несколько раскрытых испанских и английских журналов. Мне показалось, что кто-то только что читал их, сидя в одном из кресел, но поспешно удалился, когда мы вошли через заднюю дверь.

– Что скажешь о моем доме? – спросила Клара с гордой улыбкой.

– Это фантастика, – сказала я. – Кто бы мог подумать, что здесь, в пустыне, может быть такой дом.

Затем высунулось мое завистливое «я», и мне стало не по себе. Этот дом был похож на дом моей мечты, но я знала, что никогда не смогу приобрести ничего подобного.

² Бугенвиллея – американское тропическое вьющееся растение, которое используется в декоративном садоводстве. Цветет красными или пурпурными соцветиями.

– Ты даже не представляешь, насколько недалеко от истины, когда говоришь о фантастике, – ответила она. – Все, что я сейчас могу сказать тебе об этом доме, – это то, что он, как и вулканические горы, которые мы видели сегодня утром, содержит в себе силу. По нему беззвучно циркулирует утонченная энергия, подобно тому как электрический ток течет по проводам.

Когда я это услышала, случилась необъяснимая вещь: вся моя зависть исчезла. Она пропала полностью, как только Клара договорила до конца последнюю фразу.

– А сейчас я покажу тебе дорогу к твоей спальне, – объявила она. – А также познакомлю тебя с некоторыми основными правилами, которым ты должна следовать, пока находишься в этом доме в качестве гостя.

Все те части дома, которые расположены справа и сзади от гостиной, предоставляются в твое распоряжение так же, как и весь двор. Здесь ты можешь ходить и рассматривать все, что хочешь. Но ты не должна заходить ни в одну из спален, кроме, разумеется, своей. В своей спальне можешь пользоваться всем, что видишь. Даже можешь разбить что-нибудь вдребезги в порыве гнева или долго любоваться чем-то при наплыве нежности. Однако пребывать в левой части дома тебе не разрешается ни в какое время и ни под каким предлогом. Поэтому туда не ходи.

Я была шокирована странным требованием, но заверила ее, что поняла ее правильно и непременно буду выполнять то, о чем она просит. В действительности же я думала, что это требование нетактично и является чистым капризом с ее стороны. Фактически, чем больше она предостерегала меня против того, чтобы я заходила в эти части дома, тем сильнее разгоралось мое любопытство.

Клара, казалось, думала о чем-то другом, потому что добавила:

– Конечно же, ты можешь сидеть в гостиной. Можешь даже спать там на диване, если устала или ленишься идти в спальню. Еще одно место, куда тебе запрещено ходить, – это та часть усадьбы, которая находится перед главным входом в дом. Этот вход сейчас закрыт на замок, поэтому заходи в дом через черный ход.

Клара не дала мне времени для того, чтобы ответить. Она увлекла меня за собой в длинный коридор, и мы прошли мимо нескольких закрытых дверей, которые, по ее словам, были входами в другие спальни, куда мне входить не разрешалось. Наконец мы вошли в большую спальню. Первым, что я заметила, оказавшись здесь, была резная деревянная двуспальная кровать. Она была накрыта прекрасным белоснежным покрывалом, вышитым тамбуром. Рядом с окном, которое выходило на задний двор дома, находилась ручной работы этажерка из красного дерева, полностью заставленная старинными предметами, фарфоровыми вазами и статуэтками, эмалированными шкатулками и крохотными чашечками. На противоположной стене находился выполненный в том же стиле шкафчик, который Клара открыла. В нем висела разнообразная женская одежда и аксессуары: накидки, шляпы, туфли, зонтики, трости – все это, казалось, было подобрано с незаурядным вкусом.

Прежде чем я успела спросить Клару, где она достала все эти вещи, она закрыла дверцу шкафчика.

– Пользуйся всем, что тебе может понадобиться, – сказала она. – Вся эта одежда – твоя, а комната будет в твоём распоряжении, сколько бы ты ни находилась в этом доме.

Затем она взглянула себе через плечо так, будто в комнате был кто-то еще, и добавила:

– А кто может сказать, как долго это будет продолжаться!

Создавалось впечатление, что она говорит о том, что мое пребывание в ее доме может оказаться продолжительным. Я почувствовала, как у меня на ладонях выступает пот, и несмело сказала ей, что в лучшем случае смогу остаться у нее лишь на несколько дней. Клара заверила меня, что, живя в ее доме, я нахожусь в полной безопасности. Здесь, по ее словам, мне будет

даже намного безопаснее, чем в других местах. Она добавила, что с моей стороны было бы глупо упустить такую хорошую возможность получить новые знания.

– Но ведь мне нужно искать себе работу, – сказала я, оправдываясь. – У меня почти не осталось денег.

– О деньгах не беспокойся, – ответила она. – Я обеспечу тебя всем необходимым и дам тебе столько денег, сколько тебе будет нужно. Это – не проблема.

Я поблагодарила ее за это предложение и сообщила, что с детства привыкла считать, что брать деньги у чужих людей крайне нетактично, с какими бы хорошими пожеланиями мне их ни предлагали.

Она остановила меня словами:

– Я думаю, что дело вот в чем, Тайша. Ты сердишься на меня за то, что я велела тебе не ходить в левую часть дома и не приближаться к главному входу. Я знаю, что ты подумала, что я слишком своенравна и чересчур скрытна. И теперь ты не хочешь согласиться провести у меня больше, чем день или два, как требуют того правила хорошего тона. Возможно, ты даже считаешь меня ненормальной старухой, у которой не все дома.

– Нет, нет, Клара, дело не в этом. Мне скоро нужно будет платить за свою квартиру в Штатах, и если я не найду к тому времени работу, у меня не будет для этого денег. А возможность взять их у другого человека для меня исключена.

– Ты хочешь сказать, что тебя совсем не задела моя просьба не заходить в некоторые части дома?

– Разумеется, нет.

– И тебя совсем не заинтересовало, почему я попросила тебя об этом?

– Очень заинтересовало.

– Дело в том, что в той части дома живут другие люди.

– Твои родственники, Клара?

– Да, у нас большая семья. В этом доме на самом деле живет даже две семьи.

– И обе большие?

– Да. В каждой из них по восемь человек, а всего нас здесь шестнадцать.

– И все они живут в левом крыле дома, Клара?

За всю свою жизнь ни разу не слыхала о таком странном расположении жильцов.

– Нет, там живут только восьмеро. Другие восемь составляют непосредственно мою семью и живут в правом крыле дома. Ты – мой гость, и поэтому должна проживать на правой стороне. Очень важно, чтобы ты понимала это. Это, наверное, необычно, но все же не непонятно.

Я удивлялась тому, какую власть надо мной она обрела. Ее слова успокоили мои эмоции, но не разум. Тогда я поняла, что для того, чтобы действовать решительно, я должна согласовать оба эти проявления – тревогу разума и эмоциональное беспокойство. В противном случае я остаюсь пассивной, ожидая следующего внешнего импульса для того, чтобы начать что-либо предпринимать. Знакомство с Кларой привело меня к выводу о том, что, несмотря на все мои усилия, направленные на то, чтобы быть собой, действовать независимо, – я не могла ясно мыслить и принимать собственные решения.

Клара с большим интересом взглянула на меня, словно она все это время следила за моими невысказанными мыслями. Я попыталась скрыть неловкость своего положения, обратившись к ней:

– Твой дом прекрасен, Клара. Он очень старый?

– Конечно, – сказала она, так и не уточнив, что имеет в виду: то, что дом прекрасен, или то, что он старый. С улыбкой она добавила: – Теперь, когда ты уже побывала в доме – то есть в его холле, – у нас осталось на повестке дня еще одно небольшое дельце.

Из одного из шкафчиков она достала фонарь, а из одежного шкафа – утепленную китайскую куртку и пару походных ботинок. Она сказала мне, что после того, как мы перекусим, я оденусь, обуюсь, и мы пойдем на прогулку.

– Но мы ведь еще совсем не передохнули с дороги, – запротестовала я. – И к тому же разве на улице еще не темнеет?

– Темнеет. Но я хочу сводить тебя в одно место на холме, откуда ты увидишь дом и двор как на ладони. Будет лучше, если ты впервые увидишь дом именно в эту пору суток. Мы все начинали свое знакомство с ним в сумерках.

– Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы»? – спросила я.

– Шестнадцать человек, которые живут здесь, естественно. Все мы занимаемся в точности одним и тем же.

– У вас всех одна профессия? – спросила я, не в силах скрыть удивления.

– Нет, что ты! – воскликнула она, засмеявшись и поднося руку к лицу. – Я хотела сказать, что всё, что должен делать один из нас, другие должны делать также. Каждый из нас впервые взглянул на этот дом и окружающую его местность в сумерках, поэтому ты тоже должна начать свое пребывание здесь с этого.

– Почему ты уподобляешь меня вам, Клара?

– Давай пока ограничимся тем, что скажем: я делаю это потому, что ты – мой гость.

– А я позже встречу с твоими родственниками?

– Ты познакомишься со всеми, – уверила она меня. – А сейчас в доме нет никого, кроме нас с тобой и сторожевой собаки.

– Они куда-то уехали?

– Именно так. Они все отправились в далекое путешествие, а я с собакой осталась сторожить дом.

– Когда ты ожидаешь их возвращения?

– Через несколько недель, а может быть, и месяцев.

– Где они путешествуют?

– Мы всегда в разъездах. Иногда и я отсутствую месяцами, а кто-то другой остается на хозяйстве.

Только я собиралась повторить свой вопрос о том, куда они отправились, как она ответила на него.

– Они уехали в Индию, – сказала она.

– Все пятнадцать человек?

– Но разве это не замечательно? Ведь это подарок судьбы! – воскликнула она голосом, который настолько карикатурно отразил мою затаенную зависть, что я должна была засмеяться вопреки себе самой.

Затем мне в голову пришла мысль о том, что мне одной будет небезопасно находиться в этом удаленном от других поселений пустом доме, живя в нем только с Кларой.

– Мы здесь одни, но в этом доме тебе нечего бояться, – сказала она со странной убежденностью. – Кроме, быть может, пса. Когда мы вернемся с прогулки, я познакомлю тебя с ним. При встрече с ним ты должна быть очень спокойной. Он видит людей насквозь и набросится на тебя, если почувствует, что ты относишься к нему враждебно или испугана.

– Но я уже сейчас испугана, – выпалила я.

Меня начинало трясти.

Я ненавидела собак с самого детства, когда один из доберман-пинчеров моего отца прыгнул на меня и сшиб с ног. Он тогда все-таки не укусил меня, а лишь зарычал и показал свои острые зубы. Я позвала на помощь, потому что была так испугана, что не могла двигаться. Помню, что от страха я намочила штанишки, и братья долго высмеивали меня, когда увидели это, называя младенцем, которому впору быть в пеленках.

– Я сама тоже недолюбиваю собак, – сказала Клара, – но наша собака – это в действительности совсем не собака. Это что-то другое.

Она меня заинтриговала, но это не развеяло моих дурных предчувствий.

– Если хочешь, в первый раз я проведу тебя в туалет во дворе. Ведь может оказаться, что собака рыскает где-то поблизости, – сказала она.

Я согласилась, чувствуя себя уставшей и раздраженной, – длительная поездка наконец-то дала о себе знать. Мне хотелось смыть пыль с лица и расчесать взлохмаченные волосы.

Клара провела меня по-другому коридору, который тоже выходил на задний двор. На некотором расстоянии от дома находились две небольших постройки.

– Это мой спортивный зал, – указала она на одну из них. – Пока не ходи туда. Когда-нибудь я сама тебя туда поведу.

– Там ты занимаешься боевыми искусствами?

– Да, – ответила Клара сухо. – А другое строение – это уборная. Я подожду тебя в гостиной и приготовлю пару сэндвичей. Но не надейся, что сможешь покрасоваться перед зеркалом, расчесывая волосы, – сказала она, как бы зная, о чем я подумала. – Зеркал в этом доме нет. Ведь они, как и часы, свидетельствуют о течении времени. А важно научиться останавливать его.

Я хотела было спросить ее, как следует понимать ее слова об остановке времени, но она подтолкнула меня в направлении уборной. Войдя внутрь постройки, я заметила несколько дверей. Поскольку Клара не дала мне никаких указаний по поводу того, куда можно входить, а куда – нельзя, и поскольку я не знала, какая из них является дверью туалета, я осмотрела все помещения. С одной стороны от центрального предбанника находилось шесть маленьких клозетов, в каждом из которых размещался низкий деревянный унитаз. Здесь необычным было лишь то, что я не заметила никакой вони и даже запаха хлорки от вымытых отверстий. Было слышно, как под унитазами журчит вода, но я не имела ни малейшего представления о том, как и откуда она подводится.

С другой стороны предбанника были три одинаковые комнаты, выложенные красивой плиткой. В каждой из них находилась передвижная ванна старого образца и продолговатый столик, на котором стояло ведро с водой и соответствующий ему по размеру фарфоровый тазик. В комнатах действительно не было зеркал или каких-нибудь хромированных поверхностей, в которых можно было бы увидеть свое отражение. Фактически, здесь не было даже водопровода.

Я налила воды в тазик, умыла лицо, а затем провела мокрыми пальцами по спутанным волосам. Вместо того чтобы воспользоваться одним из белых махровых полотенец, боясь испачкать его, я вытерла руки о какие-то куски ткани, которые лежали в ящичке на столике. Я несколько раз глубоко вздохнула и потерла уставшую шею, прежде чем выйти к Кларе.

Я нашла ее в гостиной, где она составляла цветочные композиции в белой и голубой китайских вазах. Журналы, которые раньше валялись разбросанными по столу, теперь лежали аккуратной стопочкой, а рядом с ними находилась тарелка с едой. Она улыбнулась, увидев меня.

– Ты свежа, как маргаритка, – сказала она. – Бери сэндвич. Скоро совсем стемнеет. Нам пора.

3. Невидимый дом

Проглотив половину бутерброда с ветчиной, я поспешно одела куртку и ботинки, которые мне дала Клара, и мы вышли из дома. В руках у нас были мощные электрические фонари. Ботинки оказались тесными, и левый тут же начал натирать мне пятку. Я была уверена, что у меня будет волдырь. Но было приятно, что для меня нашлась куртка, потому что вечер обещал быть холодным. Я подняла воротник и застегнула верхнюю пуговицу.

– Мы обойдем вокруг этого места и поднимемся на холм, – сказала Клара. – Я хочу показать тебе дом в сумерках с некоторого расстояния. Я буду показывать тебе то, что ты должна запомнить, поэтому будь внимательна.

Мы шли по узкой тропинке. Вдали на востоке я могла различить темные иззубренные силуэты гор на фоне фиолетового неба. Когда я заметила, что они выглядят очень зловеще, Клара сказала, что эти горы вызывают благоговейный страх потому, что у них очень древняя *тонкая сущность*. Она сказала мне, что все видимое и невидимое обладает тонкой сущностью и что для того, чтобы понимать происходящее, человек должен научиться ее чувствовать.

То, что она сказала, напомнило мне о моем методе получения ответов на сложные вопросы с помощью устремления взгляда на горизонт в южном направлении. Не успела я спросить ее об этом, как она продолжила рассказ о горах, деревьях и тонкой сущности камней. Мне казалось, что Клара так глубоко проникла в тайны китайской культуры, что могла говорить загадками, напоминающими те, которые восточная литература приписывает просветленным людям. Я поняла тогда, что в глубине души я целый день насмехалась над ней. Это было странное ощущение, потому что Клара едва ли принадлежала к числу людей, которые заслуживали снисходительного отношения с моей стороны. Обычно на работе и в школе я насмехалась над слабыми или теми, кто напускает на себя важность, но Клару нельзя было отнести ни к тем, ни к другим.

– Вон то место, – сказала Клара, указывая на небольшую ровную поляну на вершине одного из холмов. – Оттуда ты сможешь видеть дом.

Мы свернули с тропинки и поднялись туда, куда она указывала. Здесь перед нами открылся завораживающий вид на всю долину, раскинувшуюся внизу. Я могла разглядеть большие группы темно-зеленых деревьев, окруженные еще более темными, коричневыми областями, но самого дома не было видно, потому что деревья и кусты полностью закрывали его.

– Дом идеально сориентирован в соответствии с четырьмя сторонами света, – сказала Клара, указывая на зеленые заросли. – Твоя спальня на северной стороне, а запретная часть дома – на южной. Задняя дверь и внутренний дворик расположены с западной.

Клара указала, где расположены все эти части дома, но, как ни старалась, я не могла их разглядеть. Все, что было в полутьме доступно моим глазам, представляло собой темно-зеленые очертания.

– Чтобы увидеть дом, мне придется просвечивать местность рентгеновскими лучами, – пожаловалась я. – Он полностью скрыт за деревьями.

– И очень важными деревьями, кстати, – сказала Клара дружелюбно, не обращая внимания на мой огорченный тон. – Каждое из них является самостоятельным живым существом, которое преследует в жизни определенную цель.

– Разве не верно, что каждое живое существо на этой планете имеет определенную цель? – спросила я раздраженно.

Мне не нравилось что-то в том, с каким энтузиазмом Клара показывала мне свои владения. Тот факт, что я не могу разглядеть то, что она мне показывает, еще больше вывел меня из равновесия. Сильный порыв ветра надул мою куртку, и мне в голову пришла мысль о том, что мое раздражение может быть проявлением обычной зависти.

– Я имела в виду не это банальное суждение, – объяснила Клара. – Я хотела сказать, что в моем доме каждая вещь и каждый человек появляются не случайно. Это касается и деревьев, и меня, и, конечно же, тебя.

Мне захотелось перевести разговор на другую тему, и поскольку я не смогла выдумать ничего лучшего, я спросила:

– Ты купила этот дом, Клара?

– Нет, мы его унаследовали. Он принадлежит нашей семье уже многие поколения, хотя, если принять во внимание все те беспорядки, через которые прошла Мексика, нетрудно догадаться, что его разрушали и восстанавливали неоднократно.

Я поняла, что лучше всего себя чувствую, задавая самые простые вопросы, потому что Клара дает на них прямые ответы. Ее рассуждения о «тонких сущностях» показались мне такими высокими материями, что хотелось передохнуть, поговорив о чем-нибудь обыденном. Но, к моему огорчению, Клара оборвала наш нормальный диалог и снова начала говорить о своих абстракциях.

– Этот дом является отражением всех поступков живущих в нем людей, – сказала она почти благоговейным тоном. – Главная его особенность в том, что он скрыт. Он расположен на самом видном месте, но его никто не видит. Запомни это. Это очень важно!

Интересно, как бы я могла этого не запомнить, думала я. В течение двадцати предшествующих минут я напрягала зрение для того, чтобы разглядеть дом в полутьме. Мне бы хотелось, чтобы сейчас здесь оказался бинокль, с помощью которого я смогла бы наконец удовлетворить свое любопытство. Прежде чем я успела об этом сказать Кларе, она начала спускаться с холма. Я была бы непрочь остаться на холме сама еще некоторое время, чтобы подышать прохладным ночным воздухом, но я боялась, что одна не смогу во тьме найти дорогу назад. Я решила про себя, что вернусь сюда днем и выясню, можно ли на самом деле видеть отсюда дом так, как об этом сказала Клара.

Возвращаясь обратно, мы пришли к черному ходу ее особняка на удивление быстро. Вокруг царила непроглядная темень. Я могла видеть лишь небольшие участки тропинки, освещенные светом фонарей. Войдя в дом, Клара осветила деревянную скамейку и велела мне сесть на нее, снять куртку и ботинки, а затем повесить их на вешалку, находящуюся рядом с дверью.

Я почувствовала необычайный голод. Не припомню, когда в своей жизни я так сильно хотела есть, но все же не решилась прямо спросить у Клары, будем ли мы ужинать. Возможно, она считала, что роскошного обеда в Гуаймаса было достаточно на целый день. Однако, судя по комплекции Клары, она была не из тех, кто любит экономить на еде.

– Давай пройдем на кухню и посмотрим, что там можно найти перекусить, – предложила она. – Но вначале я покажу тебе, где находится наш генератор и как его включать.

Освещая путь фонарем, она провела меня по тропинке вдоль забора до кирпичного сарайчика, крытого гофрированной жстью. В нем находился небольшой дизель-генератор. Я знала, как его включать, потому что мне случалось жить в сельском доме, в котором был похожий генератор на случай перебоя в электроснабжении. Потянув за рычаг рубильника, я увидела через окошко в сарайчике, что электричеством освещена только одна часть дома и холла: в них свет зажегся, тогда как весь остальной дом оставался во тьме.

– Почему электричество проведено у тебя не на весь дом? – спросила я у Клары. – Какой смысл оставлять полдома во тьме? – Затем, повинувшись неожиданному импульсу, я добавила: – Если хочешь, я смогу сделать там проводку.

Она удивленно посмотрела на меня.

– Это правда? Ты уверена, что после этого дом не сгорит?

– Конечно. Мои домашние говорили мне, что я – волшебница во всем, что касается электричества. Некоторое время я работала помощницей электромонтера – до тех пор, пока не надоела ему своими советами.

– Что ты ему советовала? – спросила Клара.

– Я говорила ему, куда следует что подключать. Потом пришлось распрощаться с ним.

Клара громко рассмеялась. Но я не могла понять, что она нашла смешного в моих словах о том, что я была когда-то электриком, а потом бросила это.

– Спасибо за твоё предложение, – сказала Клара, возвращая своему голосу серьёзное звучание. – Дело в том, что дом оснащен электричеством как раз так, как мы того хотим. Мы пользуемся им только в случае необходимости.

Я заключила, что электричество нужно прежде всего на кухне, и поэтому свет зажегся только в этой части дома. Не задумываясь, я направилась в ту сторону, где горел свет, но Клара дернула меня за рукав, чтобы остановить.

– Куда ты? – спросила она.

– На кухню.

– Ты направляешься не в ту сторону, – сказала она. – В мексиканских загородных домах ни кухня, ни ванная не находятся в основном доме. Что, по-твоему, стоит у нас на кухне? Электрохолодильники и газовые плиты?

Она провела меня вдоль дома, мимо своего спортивного зала, к небольшому домику, которого я раньше не заметила. Он был почти полностью закрыт пышными цветущими деревьями. То, что она назвала кухней, представляло собой одну большую комнату с полом из терракотовых плиток, недавно побеленными стенами и несколькими рядами лампочек над головой. Кто-то, наверное, немало потрудился для того, чтобы так хорошо здесь все устроить. Но вся утварь здесь была старой – каждый предмет выглядел как музейный экспонат. С одной стороны комнаты стояла огромная железная печь, которая топилась дровами и, к моему удивлению, выглядела так, будто ее только что протопили. Печь находилась на массивной подставке, а дымовая труба выходила в отверстие в потолке. С другой стороны комнаты находились два длинных кухонных стола, возле которых с обеих сторон стояли скамейки. Рядом с ними находился рабочий стол повара, на котором лежала доска толщиной в три дюйма для разделки мяса. Ее поверхность выглядела далеко не гладкой: нож оставил на ней немало следов.

В удобных местах на стенах были расположены крюки, на которых висели корзинки, чугунные кастрюли и сковородки, а также много других кухонных принадлежностей. Вся комната производила впечатление сельской, но тем не менее хорошо оснащенной кухни из ряда тех, какие можно иногда увидеть в иллюстрированных журналах.

На печке стояли три глиняных горшка с крышками. Клара предложила мне сесть за один из столов. Она подошла к печке и, повернувшись ко мне спиной, принялась помешивать в горшочках и накладывать в тарелки. Через несколько минут она поставила передо мной плов, приготовленный из тушенки, риса и фасоли.

– Когда ты успела приготовить эту еду? – спросила я, искренне удивляясь, потому что за все время нашего пребывания в ее доме она явно никуда не отлучалась.

– Я состряпала все это перед нашим выходом на прогулку и поставила на печку, – сказала она полусмущенно.

«За кого она меня принимает?» – думала я. Для того чтобы приготовить эту еду, нужно несколько часов. Она загадочно засмеялась в ответ на мой удивленный взгляд.

– Ты права, – сказала она тоном человека, который прекращает розыгрыш. – Есть здесь *смотритель*, который иногда готовит для нас пищу.

– Этот смотритель сейчас находится здесь?

– Нет, что ты. Он, должно быть, был здесь утром, но потом ушел. Ешь и не забивай себе голову такими незначительными вопросами, как то, откуда он пришел.

Клара и ее дом были полны неожиданностей, подумала я. Но усталость и голод давали о себе знать, и я не могла больше ни спрашивать, ни размышлять о чем-то, не имеющем отношения непосредственно к настоящему. Кровать, которая казалась за обедом такой большой,

теперь ушла так далеко в прошлое, что мне едва удавалось о ней вспомнить. Тому, кто любит есть медленно, могло показаться, что я набросилась на плов, как голодный волк. Еще ребенком я никогда не могла расслабиться за столом и просто получать удовольствие от еды. Я всегда воображала себе ту гору посуды, которую мне придется мыть потом. Каждый раз, когда один из моих братьев брал еще одну тарелку или ложку, внутри меня все сжималось. Я была уверена, что они специально пачкают как можно больше посуды, чтобы мне потом было что мыть. К тому же каждый раз во время еды мой отец затевал споры с матерью. Он знал, что она не сможет уйти из-за стола, пока все не закончат есть, поэтому использовал эту возможность для того, чтобы излить ей все свои жалобы и замечания.

Клара сказала, что мне не нужно мыть тарелки, хотя я и предложила ей свою помощь. Мы пошли в гостиную – очевидно, одну из тех комнат, которые по ее мнению, не нуждались в электрическом освещении, потому что здесь царил полный мрак. Клара зажгла керосиновую лампу. Она загорелась ярко, придавая всему таинственный, но в то же время спокойный и уютный вид. Везде покачивались тени. Мне казалось, будто я нахожусь во сне, вдали от реальности, которую освещают электрическим светом. Клара, ее дом, эта комната – все, казалось, относится к какому-то другому времени, находится в каком-то потустороннем мире.

– Я обещала, что познакомлю тебя с нашей собакой, – начала Клара, садясь на диван. – Эта собака является неотъемлемой частью здешней обстановки. И ты должна быть очень внимательной с тем, что думаешь или говоришь о ней.

Я уселась рядом с ней.

– Что, это чувствительная, нервная собака? – спросила я, рисуя в воображении неприятную встречу с ней.

– Чувствительная – да, нервная – нет. Я считаю, что эта собака представляет собой очень развитое существо, но, являясь собакой, ей очень трудно, если вообще возможно, выйти за пределы представления о себе.

Я громко засмеялась, когда услышала, что у собаки может быть представление о себе. Я сказала Кларе, что ее утверждение кажется мне бессмысленным.

– Ты права, – согласилась Клара, – в данном случае не стоит говорить о представлении. Лучше сказать, что собака заблуждается, чувствуя свою важность.

Я знала, что она шутит со мной, но мой смех на этот раз был более осторожным.

– Ты можешь смеяться, но я говорю вполне серьезно, – сказала Клара тихим голосом. – Я дам тебе возможность убедиться в этом. – Она наклонилась ближе ко мне и понизила голос до шепота. – В ее отсутствие мы называем ее *sapo*, что по-испански означает «жаба», потому что эта собака похожа на большую лягушку. Но осмелюсь лишь при ней назвать ее так, – и она разорвет тебя на куски. Теперь, если ты не веришь мне или если у тебя достаточно смелости, чтобы попробовать назвать ее так, знай, что, когда собака придет в ярость, существует только один выход.

– И что же это? – спросила я насмешливо, хотя в этот раз почувствовала какую-то тень страха.

– Нужно очень быстро сказать: «Клара тоже похожа на белую жабу». Собаке приятно это слышать.

Но на таком меня не проведешь. Я была уверена, что достаточно умудрена опытом, чтобы понять, что это – бессмыслица.

– Наверное, ты научила свою собаку отрицательно реагировать на слово *sapo*, – предположила я. – У меня есть некоторое представление о воспитании собак, и я знаю, что они не настолько разумны, чтобы понимать слова людей, не говоря уже о том, чтобы приходить от этого в ярость.

– Тогда давай сделаем следующее, – предложила Клара. – Давай я познакомлю тебя с ней, а затем мы будем просматривать книгу по зоологии с картинками, на которых изображены

лягушки, и обмениваться мнениями о них. Потом в один прекрасный момент ты скажешь: «Он действительно похож на жабу», и мы посмотрим, что произойдет.

Прежде чем я успела принять или отвергнуть это предложение, Клара вышла через боковую дверь, оставив меня в одиночестве. Я уверяла себя, что вполне представляю, о чем идет речь, и не допущу, чтобы меня водила за нос женщина, которая утверждает, что собаки обладают высшими проявлениями сознательной деятельности.

Я бодро болтала с собой в воображении, чтобы вернуть себе уверенность, когда через боковую дверь вошла Клара, ведя за собой самую большую из когда-либо виденных мною собак. Это был огромный кобель, толстые лапы которого достигали размера кофейных блюдец. Его шерсть была черной, лоснящейся. В желтых глазах собаки можно было прочесть взгляд человека, смертельно уставшего от жизни. Ее уши были закруглены, а морда – неровной и со всех сторон покрытой морщинами. Клара была права, пес определенно был похож на исполинскую лягушку. Собака подошла прямо ко мне и остановилась, а затем посмотрела на Клару, как бы ожидая, что та скажет.

– Тайша, я хочу познакомить тебя со своим другом Манфредом. Манфред, это – Тайша.

Я готова была протянуть руку и пожать его лапу, но Клара, качнув головой, подала мне знак, чтобы я этого не делала.

– Рада с тобой познакомиться, Манфред, – сказала я, стараясь не засмеяться и в то же время не выглядеть испуганной.

Собака подошла еще ближе и начала нюхать мой пах. С отвращением я отскочила назад. В одно мгновение собака подскочила ко мне, повернулась задней частью своего туловища и ударила меня под колени так, что я потеряла равновесие. Я опомнилась, стоя на полу сначала на коленях, а потом на всех четырех. Собака лизнула мою щеку, и прежде, чем я успела подняться на ноги или отвернуться, выпустила газы прямо перед моим носом.

Я с криком вскочила. Клара так смеялась, что не могла вымолвить ни слова. Я могла поклясться, что Манфред тоже смеялся. Он с ликующим видом спрятался за Кларой и вопросительно смотрел на меня, переминаясь по полу своими большими лапами.

Я была так разъярена, что закричала:

– Ты – не собака, а проклятая вонючая жаба!

В одно мгновение пес бросился ко мне и ударил меня головой. Я упала назад на пол, а он оказался сверху. Его челюсти были в нескольких дюймах от моего лица. Я увидела, что в его желтых глазах искрится ярость. Одного зловонного дыхания этой пасти было достаточно для того, чтобы вызвать тошноту, и я почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Чем громче я кричала, чтобы Клара убрала подальше свою проклятую собаку, тем ожесточеннее рычал надо мной пес. Я чувствовала, что от страха нахожусь на грани потери сознания, когда услышала сквозь шум и собственные вопли, как Клара кричит:

– Скажи ему то, о чем я тебе говорила! Скорее, скажи ему!

Я была слишком испугана, чтобы говорить что-то. В отчаянии Клара попыталась оттянуть собаку в сторону за уши, но это лишь пуще разъярило ее.

– Скажи ему! Скажи ему то, о чем я тебе говорила! – вопила Клара.

В том ужасном положении, в котором я находилась, я никак не могла вспомнить, что же такого должна ему сказать. Но когда я поняла, что сознание уже начинает оставлять меня, я услышала собственный крик:

– Клара тоже похожа на белую жабу! Прости меня!

Собака мгновенно перестала рычать и отошла от меня. Клара помогла мне встать и сесть на диван. Собака шла рядом с нами, будто помогая ей. Клара дала мне выпить теплой воды, от чего меня затошнило еще больше. Едва я успела выскочить на улицу, как меня сильно вырвало.

Позже, когда я отдыхала в гостиной, Клара еще раз предложила посмотреть книгу о лягушках в присутствии Манфреда для того, чтобы я могла повторить при нем еще раз, что

она выглядит как белая жаба. Она сказала, что я должна устранить все недоразумения, которые могли появиться в его уме.

– Он очень несчастен потому, что должен быть собакой, – объяснила она. – Бедняжка! Это ему очень не нравится, но он ничего не может поделать. Поэтому он приходит в ярость, когда кто-то насмехается над ним.

Я сказала, что в том состоянии, в котором я нахожусь, дальнейшие эксперименты по собачьей психологии едва ли целесообразны. Но Клара настаивала на том, чтобы я доиграла эту игру до конца. Как только она открыла книгу, Манфред подошел, чтобы смотреть на картинки. Клара все восхищалась и шутила по поводу того, какими причудливыми бывают лягушки и что среди них есть даже такие, которые выглядят довольно отвратительно. Я тоже вступила в игру со своей стороны. Я произносила слово «жаба» и испанское слово *sapo* как можно чаще и как можно громче в течение всего нашего наигранного разговора. Но Манфред на это никак не реагировал. Он выглядел таким же скучающим, как и в первый раз, когда мои глаза увидели его.

Но когда, как было условлено, я громко заметила, что Клара определенно похожа на белую жабу, Манфред сразу же начал вилять хвостом, заметно оживившись. Я повторила ключевую фразу несколько раз, и чем больше я ее повторяла, тем более возбужденной становилась собака. Тут я неожиданно решила проявить инициативу и сказала, что сама похожа на неприглядную жабу, которая старается стать такой же, как Клара. Услышав это, собака так обрадовалась, что подскочила на месте, как ужаленная. Клара сказала:

– Ну, здесь ты перегнула палку в своей заботе о нем, Тайша.

Я заметила, что Манфред пришел в такое возбуждение, что не мог этого больше переносить. Он выбежал из комнаты. В изумлении я откинулась на спинку дивана. Несмотря на все свидетельства, которые подтверждали, что собака может так реагировать на обидное прозвище, я все же в глубине души не могла поверить в это.

– Скажи, Клара, – произнесла я, – в чем здесь фокус? Как ты научила его так себя вести?

– То, свидетельством чего ты была, не является фокусом, – ответила она. – Манфред – таинственное, неизвестное существо. Во всем мире есть только один человек, который может называть его *sapo* или *sapito*, маленькая жабка, и при этом не привести его в бешенство. Скоро ты встретишься с этим человеком. Он ответствен за тайну Манфреда. Только он может объяснить тебе, что все это значит.

Внезапно Клара встала.

– Сегодня у тебя был нелегкий день, – сказала она, вручая мне керосиновую лампу. – Думаю, сейчас самое время отправиться спать.

Она провела меня в отведенную мне комнату.

– Все, что тебе может понадобиться, ты найдешь внутри, – сказала она. – Ночной горшок находится под кроватью, если ты боишься выходить во двор. Надеюсь, тебе будет уютно.

Коснувшись моей руки, она пошла по коридору, пока не исчезла во тьме. Я так и не поняла, где находится ее спальня. Возможно, подумала я, ее спальня находится в том крыле дома, в которое мне нельзя было заходить. Клара так загадочно пожелала мне спокойной ночи, что некоторое время я просто стояла и держалась за дверную ручку, теряясь в догадках.

Затем я все же вошла в комнату. Керосиновая лампа освещала вещи, которые отбрасывали причудливые тени. На полу красовался узор из отблесков, которые давала ваза с цветами, стоявшая на столе. Должно быть, Клара принесла эти цветы из гостиной и оставила их здесь. Большой резной деревянный сундук, казалось, излучал серебристое сияние, а спинки кровати отбрасывали на стены тени, похожие на змей. Внезапно я поняла, почему в моей комнате стояла этажерка из красного дерева, на которой находились статуэтки и другие эмалированные предметы. Свет лампы полностью преобразил их, создавая вокруг фантастический мир. Статуэтки

из фарфора не предназначены для помещений, освещаемых электрическим светом, подумала я в этот момент.

Мне хотелось осмотреть комнату, но я чувствовала смертельную усталость. Я поставила лампу на небольшой прикроватный столик и разделась. На спинке стула лежала муслиновая ночная рубашка, которую я и надела. Казалось, она была мне впору, по крайней мере, не волочилась по земле.

Я взобралась на мягкую кровать и улеглась на подушку. Тени в комнате так заворожили меня, что я не погасила лампу сразу. Я вспомнила, что еще ребенком играла перед тем, как уснуть, в такую игру: сколько разных предметов я смогу узнать по их теням на стенах.

Сквозняк из полуоткрытого окна привел тени на стенах в движение. Несмотря на усталость, я вообразила, что вижу перед собой очертания животных, деревьев и летящих птиц. Затем в расплывах серого света я увидела смутное очертание морды собаки. У нее были закругленные уши, притупленный, покрытый морщинами нос. Казалось, она моргает мне. Я знала, что это Манфред.

Странные чувства и мысли наполнили мой ум. Что я вообще могу сказать о событиях этого дня? Ни одно из них мне не удалось объяснить удовлетворительно. Но самым замечательным было то, что я вне всяких сомнений поняла, что мое последнее замечание – о том, что я похожа на неприглядную жабу, которая старается стать похожей на Клару, – положило начало нашей с Манфредом взаимной симпатии. Я также ясно понимала, что не могу думать о нем как об обычном псе и что я больше не боюсь его. Несмотря на то что мне было очень трудно в это поверить, я чувствовала, что он наделен каким-то особым разумом и может понимать то, о чем мы с Klarой разговариваем.

Внезапно порыв ветра растворил окно полностью, и тени замельтешили по стенам множеством причудливо мерцающих очертаний. Морда собаки слилась с другими рисунками на стене, и я подумала, что в действие вступили чары, которые дадут мне силу при встрече с ночью.

Как удивительно то, думала я, что ум может наполнять бесформенные рисунки на стене осмысленным содержанием так, будто является проекционным аппаратом, в который заряжена кассета с бесконечным фильмом.

Тени задрожали, когда я опустила ниже фитиль керосиновой лампы. Когда последний блик света угас, я осталась в кромешной тьме. Но я не боялась ее. Тот факт, что я нахожусь в чужом доме, лежу в незнакомой кровати, ничуть не смущал меня. Ранее Клара сказала, что это моя комната, и, побыв в ней так недолго, я почувствовала себя как дома. У меня было какое-то странное чувство, что я нахожусь под защитой.

Глядя в пустоту перед собой, я заметила, что воздух в комнате начинает отсвечивать. Я вспомнила слова Клары о том, что весь этот дом заряжен невидимой энергией, которая течет по нему, как ток по проводу. Я не чувствовала ее раньше потому, что мое внимание было занято другими вещами. Но сейчас, в абсолютной тишине я отчетливо расслышала ее тихий жужжащий звук. Затем мне показалось, что я вижу, как по комнате на большой скорости летают едва заметные пузырьки. Они часто сталкивались друг с другом и гудели, как многотысячный пчелиный рой. Комната и весь дом, казалось, были пронизаны тонкой электрической энергией, которая заполняла все мое существо.

4. Дорога к пещере

– Как тебе спалось? – спросила меня Клара, когда я зашла на кухню.

Она как раз собиралась сесть за стол, чтобы приняться за еду. Я заметила, что стол накрыт на двоих, хотя она и не говорила мне накануне, в котором часу будет завтрак.

– Я спала как медведь, – сказала я, и мои слова были недалеко от истины.

Клара пригласила меня присоединиться к ней и положила в мою тарелку какое-то ароматное блюдо из нарезанного мяса. Я сказала ей, что пробуждение в незнакомом месте всегда было для меня неприятным мгновением. Мой отец очень часто менял работу, и семья должна была менять место жительства, когда он уезжал в другой город, чтобы занять там вакантную должность. Внезапное пробуждение утром на новом месте, когда я поначалу не могла понять, где я нахожусь, было невыносимым для меня. Но в это утро я не испытала никаких неприятных переживаний. Я проснулась с чувством, что комната и кровать, на которой я лежу, всегда были моими.

Клара выслушала меня внимательно и кивнула головой.

– Так произошло потому, что твой характер соответствует характеру того человека, кому принадлежит эта комната, – сказала она.

– А кому принадлежит эта комната? – спросила я с любопытством.

– Когда-нибудь ты узнаешь это, – ответила она, положив на мою тарелку рядом с мясом огромную порцию риса. Затем она подала мне вилку. – Ешь, не стесняйся. Сегодня тебе понадобится вся твоя сила.

Она не стала продолжать беседу, пока я не съела все, что находилось на моей тарелке.

– И что же мы будем делать? – спросила я, когда она убирала со стола грязную посуду.

– Не мы, – поправила она меня. – Ты сама пойдешь в пещеру, чтобы начать занятия *вспоминанием*.

– Занятия чем, Клара?

– Вчера вечером я сказала тебе, что каждая вещь и каждый человек в этом доме появляется не случайно. Это касается и тебя.

– Зачем же тогда я оказалась здесь?

– Причина твоего появления здесь может быть объяснена тебе лишь в несколько этапов, – ответила она. – Рассуждая на самом простом уровне, можно сказать, что ты здесь потому, что тебе это нравится, что бы ты об этом ни думала. Вторая, менее очевидная причина состоит в том, что ты приехала сюда для того, чтобы заниматься увлекательной практикой, которая называется *вспоминанием*.

– Что это за практика? Что она от меня требует?

– Об этом я скажу тебе, когда мы придем в пещеру.

– А почему ты не можешь сказать мне об этом здесь?

– Не возражай мне, Тайша. Сейчас я не могу ответить на все твои вопросы, потому что у тебя недостаточно энергии для того, чтобы понять мои ответы. Позже ты сама убедишься в том, что некоторые вещи бывает очень нелегко объяснить. Надевай свои походные ботинки, нам пора уходить.

Мы вышли из дома и поднялись на невысокие холмы к востоку от долины, идя по той же тропинке, по которой мы шли в минувший вечер. Вскоре после начала нашего похода я заметила небольшую поляну на холме, где мы были вчера вечером и которую я собиралась посетить днем. Не ожидая, пока Клара предложит мне сделать это, я направилась туда, потому что мне не терпелось выяснить, виден ли оттуда дом в дневное время.

Моим глазам открылась чашепоподобная долина между холмами, покрытая зарослями деревьев. Однако несмотря на то, что утро было солнечным и ясным, я не смогла различить

никаких следов жилых строений. Мне стало очевидно лишь то, что в долине растет намного больше деревьев, чем я могла предположить, судя по вчерашним наблюдениям в сумерках.

– Ты, конечно, можешь заметить отсюда небольшой домик во дворе, – сказала Клара. – Видишь вон ту красноватую точку недалеко от зарослей мескитовых деревьев?

Я подпрыгнула от неожиданности, потому что была так поглощена созерцанием долины, что не услышала, как Клара подошла ко мне.

Для того чтобы помочь мне сориентироваться, Клара указала на одну группу зеленых деревьев в долине. Я подумала, что могла бы из вежливости сказать ей, что вижу все, на что она мне показывает, но мне не хотелось начинать этот день с нечестности по отношению к ней. Я молчала. Кроме того, в этой скрытой долине было что-то столь изысканное, что у меня перехватило дыхание. Я смотрела на нее так увлеченно, что мне показалось, что я засыпаю. Прислонившись к камню, я дала возможность тому, что производило на меня такое сильное впечатление, унести себя. И меня действительно понесло. Я увидела себя среди людей, которые собрались на пикник. Все вокруг веселились, и я слышала смех...

Мое видение рассеялось, когда Клара подняла меня на ноги, взяв под мышки.

– Вот те на, Тайша! – воскликнула она. – Такого я от тебя не ожидала. На какое-то мгновение мне показалось, что я тебя потеряла.

Я хотела было рассказать ей, что мне пригрезилось, потому что была уверена, что отключилась всего лишь на мгновение. Но Клара, казалось, не проявляла к этому никакого интереса и начала спускаться с холма.

Она шла уверенной и целенаправленной походкой так, будто точно знала, куда направляется. Что же касается меня, то я плелась бесцельно за ней, стараясь не отставать и не спотыкаться. Мы шли в полной тишине. Прошло уже более получаса, как мы снова вышли к нагромождению скал, о котором я могла с уверенностью сказать, что мы здесь уже были.

– Мы уже проходили здесь сегодня? – спросила я, прерывая молчание.

Она утвердительно кивнула.

– Мы ходим по кругу, – заметила она. – Что-то преследует тебя, и если мы не отделаемся от него, оно придет с нами в пещеру.

Я оглянулась, чтобы проверить, не идет ли кто-нибудь за нами. Но заметила я только кусты и переплетенные ветви деревьев. Я поспешила за Кларой, чтобы догнать ее, но споткнулась о пень. Падая вперед, я неожиданно вскрикнула. С невероятной скоростью Клара поймала меня за руку и не дала мне упасть, поставив передо мной свою ногу.

– Да, ходок из тебя не самый лучший, – заметила она.

Я сказала ей, что никогда не проводила много времени за пределами дома и с детства верила, что далекие прогулки и походы – удел сельских жителей, а не образованных горожан, ведь последние не привыкли жить в лесной глуши. Разгуливать по предгорьям – не самое приятное занятие для меня, и за исключением того вида на долину, в которой находится ее дом, я не нахожу ничего интересного в нашей прогулке, хотя кто-то другой, возможно, назвал бы ее увлекательной.

– Согласна с тобой, – ответила Клара. – Но ты здесь не для того, чтобы разглядывать по сторонам. Смотри себе под ноги. Здесь бывают змеи.

Действительно ли там водились змеи, осталось для меня загадкой, но ее совет, конечно, приковал мой взгляд к земле. По мере того как мы шли, я начала задыхаться. Ботинки, которые дала мне Клара, повисли у меня на ногах, как пудовые гири. Мне становилось все труднее поднимать ногу для того, чтобы поставить ее впереди другой.

– Нужна ли на самом деле эта прогулка по горам? – спросила я в конце концов.

Клара остановилась и повернулась ко мне.

– Прежде чем мы сможем поговорить о чем-то осмысленном, было бы неплохо, если бы ты по крайней мере немного почувствовала свое окружение, – сказала она. – Я делаю все, что в моих силах, для того, чтобы помочь тебе в этом.

– О чем ты говоришь? – настаивала я. – Какое окружение?

Меня вновь охватила моя обычная подозрительность.

– Я имею в виду скопление твоих обычных чувств и мыслей, твою *личную историю*, – объяснила Клара. – Все то, что делает тебя тем, кем ты себя считаешь, единственной и неповторимой личностью.

– Что плохого в моих обычных чувствах и мыслях? – спросила я.

Ее непонятные высказывания определенно начинали меня раздражать.

– Эти обычные чувства и мысли – источник всех твоих проблем, – заявила она.

Чем больше она говорила загадками, тем сильнее во мне росло разочарование. В это мгновение мне захотелось ударить себя за то, что согласилась принять предложение этой женщины посетить ее дом. Но моя реакция была запоздавшей. Опасения, которые все время теплились во мне, теперь разгорелись в полную силу. Я подумала, что она очень похожа на психопатку, которая может в любое мгновение выхватить нож и убить меня. Затем я подумала о том, что, так как она хорошо владеет боевыми искусствами, нож ей не понадобится. Один хороший удар ее сильной ноги будет последним для меня. Я не смогу противостоять ей. Она была старше меня и очевидно намного сильнее. Я вообразила себе, что моя смерть станет еще одним случаем пропадания без вести, как об этом пишут в статистических сводках.

– Выбрось из головы все свои нездоровые мысли, – сказала Клара, явно имея представление о том, что я подумала. – Я привела тебя сюда лишь для того, чтобы подготовить к тому, чтобы ты смогла взглянуть на жизнь немного более трезво. Но кажется, вместо этого мне удалось лишь вызвать в тебе лавину дурацких подозрений и страхов.

Я почувствовала себя неловко из-за того, что у меня появились такие безобразные мысли. Я не могла себе вообразить, как ей удастся так точно определять, когда меня охватывают подозрения и опасения, и как ей одной фразой удастся положить конец моему внутреннему беспокойству. Мне захотелось извиниться перед ней и обо всем спокойно рассказать, но я еще не была готова к этому. Я подумала, что это могло бы создать для меня дальнейшие осложнения.

– Ты обладаешь необыкновенным даром успокаивать мои нервы, Клара, – сказала я вместо этого. – Ты научилась этому на Востоке?

– Научиться этому не так уж трудно, – ответила она. – Это легко не потому, что именно тебя нетрудно успокоить, а потому, что все мы похожи друг на друга. Для того чтобы знать подробно, о чем ты думаешь, мне нужно лишь знать себя. Об этом, можешь не сомневаться, у меня есть кое-какое представление. А сейчас давай продолжим идти дальше. Я хочу добраться до пещеры до того, как ты окончательно свалишься с ног.

– Скажи мне еще раз, Клара, что мы будем делать в пещере? – спросила я, желая оттянуть необходимость двигаться дальше.

– Я собираюсь научить тебя удивительным вещам.

– Каким таким удивительным вещам?

– Вскоре узнаешь, – ответила она, глядя мне прямо в глаза.

Я хотела что-то спросить, но прежде, чем я успела открыть рот, она уже шла впереди меня на полпути к следующему склону. С трудом волоча ноги, я прошла за ней еще около четверти мили, пока она не остановилась у ручья. Здесь листва на деревьях была такой густой, что я не могла даже видеть небо. Я сняла ботинки. На пятке у меня был волдырь.

Клара нашла заостренную палочку и нажала ею на мою ногу между большим и вторым пальцами. Нечто похожее на слабый электрический ток ударило мне в лодыжки и потекло внутри бедер. Затем она попросила меня стать на четвереньки и, поднимая поочередно каждую

ногу стопой вверх, уколола палочкой в то место, которое находится сразу же под выпуклостью большого пальца. Я завопила от боли.

– Это не так уж плохо, – сказала она тоном человека, который уже не в первый раз лечит больных. – Традиционные китайские врачи часто использовали этот прием для того, чтобы вернуть силы слабым или ввести человека в состояние повышенной внимательности. Но в наши дни эти древние знания вымирают.

– Почему так происходит, Клара?

– Потому что преклонение перед материализмом увело человека в сторону от эзотерических наук.

– Это же самое ты имела в виду и тогда, когда в пустыне сказала мне, что разрушена связь с прошлым?

– Да. Великие перемены всегда влекут за собой резкие изменения в энергетической природе вещей. И эти изменения не всегда к лучшему.

Она велела мне опустить ноги в ручей и поводить ими по гладким камням, которые лежали на дне. Вода была холодной, как лед, и я непроизвольно вздрогнула.

– Повращай лодыжками по часовой стрелке, – предложила она. – Дай возможность текущей воде унести всю твою усталость.

После нескольких минут вращения лодыжками я почувствовала себя отдохнувшей, но мои ноги окоченели от холода.

– А теперь попытайся почувствовать, как все твоё напряжение концентрируется в ногах, а затем отбрось его резким движением лодыжек в стороны, – посоветовала Клара. – Так ты сможешь избавиться и от ощущения холода.

Я продолжала мутить воду до тех пор, пока ноги не онемели окончательно.

– Мне кажется, что то, о чем ты говоришь, не работает, Клара, – сказала я, вынимая ноги из воды.

– Это потому, что ты не даешь возможности напряжению уйти, – ответила она. – Текущая вода уносит с собой усталость, окоченелость, болезни и все другие нежелательные вещи, но для того, чтобы это произошло, ты должна выразить свое *намерение*. В противном случае можешь болтать ногами воду до тех пор, пока не пересохнет ручей, и все будет напрасно.

Она добавила, что, если кто-то хочет проделать это упражнение, лежа в постели, для этого ему нужно просто вообразить себе текущий ручей.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что я должна выразить свое намерение? – спросила я, вытирая ноги рукавами куртки. После активного растирания они наконец согрелись.

– Намерение – это сила, движущая вселенной, – сказала она. – Это сила, которая порождает все. Благодаря ей случается мир.

Я не могла поверить тому, что так внимательно слушаю каждое ее слово. Со мной явно что-то произошло, потому что мое обычное скучающее равнодушие сменилось просто невероятной внимательностью. И дело было не просто в том, что я понимала, что говорит мне Клара, – на самом деле я не понимала этого. Меня поразил тот факт, что я слушала ее, не отвлекаясь и не раздражаясь.

– Ты можешь описать мне эту силу более подробно? – попросила я.

– На самом деле о ней ничего нельзя сказать, кроме иносказаний, – ответила Клара. Она провела по земле подошвой своей туфли, отмечая в сторону сухие листья. – Под сухими листьями находится почва, поверхность огромной планеты. Намерение – это то, что лежит в основе всего.

Клара набрала пригоршню воды и плеснула ее себе в лицо. Я снова удивилась тому, что на ее коже нет морщин. На этот раз я сказала ей о том, как она выглядит.

– То, как человек выглядит, зависит от того, как он согласовал свою жизнь с окружающим миром, – сказала она, отряхивая с рук воду. – Все, что мы делаем, так или иначе влияет на

эту согласованность. Мы можем быть молодыми и исполненными сил, а можем быть старыми и больными, как застывшая лава в горах Аризоны. Все зависит от нас самих.

Неожиданно для себя самой я спросила ее, можно ли восстановить эту гармонию, если она утрачена. Можно было подумать, что я верила ее словам.

Она утвердительно кивнула и сказала:

– Конечно же, можно. И ты сделаешь это с помощью того уникального упражнения, которому я собираюсь обучить тебя. Оно называется *вспоминание*.

– Я не могу дождаться того времени, когда ты будешь меня учить, – сказала я возбужденно, надевая ботинки.

Затем без всяких видимых причин я так оживилась, что несколько раз подпрыгнула на месте и спросила:

– Не пора ли нам идти дальше?

– Мы уже пришли, – объявила Клара, указывая на небольшую пещерку на склоне холма. Когда я посмотрела туда, мой энтузиазм куда-то исчез. В этом зияющем отверстии было что-то зловещее и недоброе, но в то же время и заманчивое. У меня сразу же возникло желание исследовать его, но я боялась обнаружить внутри что-то неожиданное.

Я подозревала, что мы находимся где-то недалеко от ее дома, и эта мысль утешала меня. Клара сообщила мне, что это – *место силы*, то есть такое место, которое древние китайские маги, владевшие искусством *фэн-шуй*, несомненно выбрали бы для постройки храма.

– Здесь элементы воды, леса и воздуха находятся в идеальном равновесии, – сказала она. – Здесь энергия циркулирует в изобилии. Ты поймешь, что я имею в виду, когда войдешь в пещеру. Ты должна воспользоваться энергией этого неповторимого места для того, чтобы очиститься.

– Ты хочешь сказать, что я должна буду остаться здесь?

– А разве ты не знаешь, что на Востоке в древности монахи и ученые часто уходили в пещеры, чтобы пожить некоторое время в уединении? – спросила она. – Когда со всех сторон окружает земля, легче медитировать.

Она предложила мне забраться в пещеру. Набравшись смелости, я протиснулась внутрь, подавив в себе все мысли о летучих мышах и пауках. Внутри было темно и прохладно, и места хватало лишь на одного человека. Клара сказала мне, чтобы я села, скрестив ноги и опираясь спиной о стену. Я заколебалась, не желая запачкать свою куртку, но стоило мне прислониться к стене, как я почувствовала облегчение. Даже несмотря на то, что потолок находился сразу же над моей головой, а земля сильно давила мне в копчик, стиснутое пространство не угнетала меня. Легкий, почти незаметный поток воздуха двигался по пещере. Я почувствовала прилив сил, чего, по словам Клары, и следовало ожидать. Я собралась снять с себя куртку и подложить ее под себя, когда Клара, сидевшая на корточках у входа в пещерку, заговорила.

– Вершиной того искусства, которому я хочу научить тебя, – начала она, – является то, что называется *абстрактный полет*, а средством овладения им есть *вспоминание*. – Она протянула руку в пещерку и коснулась левой и правой сторон моего лба. – Осознание должно переместиться отсюда сюда, – сказала она. – В детские годы мы могли это делать легко, но, когда гармония нашего тела была нарушена вследствие вредных привычек, только особая работа с осознанием, правильный образ жизни и воздержание могут восстановить потерянную энергию – энергию, которая необходима для того, чтобы изменить уровень восприятия.

Я явно поняла все, что она сказала, и даже смогла почувствовать, что осознание подобно потоку энергии, который может перетекать из одной части головы в другую. Я представила себе расстояние между этими двумя частями как огромное пространство – пустоту, которая мешает переходу.

Я внимательно слушала то, что она рассказывала.

– Тело должно быть необычайно сильным, – сказала она. – Только тогда осознание может стать проникающим и текучим настолько, чтобы в одно мгновение преодолеть пропасть, которая отделяет нас от абстрактного полета.

Когда она говорила мне все это, случилось что-то необычайное. Я почувствовала абсолютную уверенность в том, что я останусь с Кларой в Мексике. Мне хотелось представить, как я возвращаюсь в Аризону через несколько дней, но я понимала, что в действительности вернусь туда не скоро. Я осознала также и то, что мое решение остаться здесь не является просто принятием того, к чему меня с самого начала подталкивала Клара. Дело было в том, что я просто не могла оказывать сопротивление ее намерениям, потому что на меня воздействовало нечто, относящееся не только к ней.

– Начиная с этого времени ты будешь жить жизнью, в которой нет ничего важнее осознания, – сказала она таким тоном, будто я дала молчаливое согласие остаться с ней. – Ты должна избегать всего, что может причинить вред телу или уму либо ослабить их. Кроме того, в настоящее время для тебя очень важно порвать все физические и эмоциональные связи с миром.

– Почему это так важно?

– Потому что прежде всего ты должна стать целостной.

Клара объяснила, что люди склонны считать, что их природа дуалистична: что ум является их духовной, а тело – материальной составляющей. Это разделение приводит к тому, что наша энергия постоянно находится в хаотическом состоянии, и это мешает ее концентрации.

– Разделенность – это условие, в котором существует человек, – заметила она. – Но в действительности оно наблюдается не между умом и телом, а между телом, которое содержит в себе ум, или «я», и *дублем*, который является вместилищем нашей основной энергии.

Она сказала, что до рождения этого разделения не существует, но, начиная со времени появления человека в этом мире, эти две его составляющие оказываются разделенными вследствие воздействия намерения всего человечества. Одна часть при этом превращается в физическое тело, тогда как другая, внутренняя, становится дублем. После смерти более тяжелая физическая составляющая возвращается обратно в землю, а более легкая, дубль, становится свободной. Но, к несчастью, дубль не может наслаждаться свободой дольше чем мгновение, потому что в силу своей недоразвитости он сразу же растворяется во вселенной.

– Если мы умрем, не искоренив ложного дуализма, который по нашему мнению существует между телом и умом, – мы умираем обычной смертью, – сказала она.

– А как можно умереть по-другому?

Клара уставилась на меня, высоко подняв брови. Вместо ответа на мой вопрос она доверительным тоном сообщила мне, что мы умираем потому, что нам никогда не приходит в голову мысль о возможности изменить себя. Она подчеркнула, что это преобразование должно быть совершено в течение жизни и что успешное решение этой задачи – это единственная подлинная цель, которую может иметь человеческая жизнь. Все остальные наши достижения преходящи, потому что смерть превращает их обладателя в ничто.

– Что представляет собой это преобразование? – спросила я.

– Оно предполагает радикальное изменение, – сказала она. – И достичь этого изменения можно с помощью вспоминания, этого краеугольного камня свободы. Искусство, которому я собираюсь научить тебя, – это *искусство быть свободной*. Заниматься им очень трудно, но еще труднее объяснить его суть другим.

Клара сказала, что каждый метод, которому она будет меня обучать, и каждое задание, которое она будет мне давать, каким бы необычным оно мне ни показалось, в действительности является шагом к достижению конечной цели искусства быть свободной – постижению абстрактного полета.

– Вначале я покажу тебе простые движения, которые ты должна будешь выполнять каждый день, – продолжала она. – Считай их неотъемлемой частью своей жизни. Первым делом давай рассмотрим технику правильного дыхания, которая хранилась в тайне в течение многих веков. Эта техника отражает двойственную суть возникновения и исчезновения, света и тьмы, бытия и не-бытия.

Она попросила меня выйти из пещеры, а затем легкими движениями показала, как мне сесть, наклонившись вперед и придвинув колени как можно ближе к груди. Не отрываясь ногами от земли, я должна была обнять икры, плотно охватить их руками перед собой и положить ладони на локти, если мне так было удобнее. Легким нажатием она опустила мою голову так, что подбородок касался груди.

Мне пришлось сильно напрячь мышцы рук для того, чтобы удерживать колени перед собой. Грудь и живот оказались сдавленными, а в шее что-то хрустнуло, когда я опускала подбородок вниз.

– Это очень эффективный метод, – сказала она. – Может даже случиться так, что скоро ты потеряешь сознание или уснешь. В любом случае, когда придешь в себя, возвращайся в дом. Пещера, кстати, находится сразу же за домом. Иди по тропинке, и ты выйдешь прямо к нему через две минуты.

Клара сказала мне, что следует делать короткие, поверхностные вдохи. Я ответила, что ее указание ничего не меняет, потому что в этом положении я могу дышать только так, и не иначе. Она сказала, что, если я хотя бы частично расслаблю руки, мое дыхание снова станет нормальным. Но этого не должно было происходить. Она хотела, чтобы я дышала поверхностно хотя бы минут десять.

Я оставалась в таком положении наверное около получаса, все это время дыша короткими вдохами, как она меня наставляла. После того, как колики в животе прошли и ноги перестали ныть, дыхание, казалось, размягчило мои внутренности и растворило их. Затем через мучительно долгое время Клара толкнула меня так, что я перекатилась на спину и продолжала лежать на земле, но она не разрешила мне ослабить напряжение в руках. Когда моя спина коснулась земли, я почувствовала некоторое облегчение, но полное освобождение наступило только тогда, когда Клара позволила мне разжать руки и вытянуть ноги. Единственное, что я могу сказать о своих ощущениях, – это то, что с помощью такого дыхания что-то внутри меня освободилось, а затем начало растворяться и в конце концов исчезло полностью. Как и предупреждала Клара, я почувствовала такую сонливость, что заснула, едва успев добраться до пещерки.

Я проспала в пещере, должно быть, не менее двух часов. Судя по положению, в котором я проснулась, можно было сказать, что за все время сна я не шевельнула ни одним мускулом. Я подумала, что это, должно быть, случилось потому, что в пещерке не было места для движений и поворотов. Но вполне могло быть и так, что я спала неподвижно потому, что полностью расслабилась и не нуждалась в движениях для того, чтобы найти более удобное положение.

Я пошла в направлении к дому, как мне сказала Клара. Она сидела в плетеном кресле во внутреннем дворике возле дома. У меня создалось впечатление, что рядом с ней сидела другая женщина, но, когда они услышали, что я иду, та быстро поднялась на ноги и ушла.

– О, да ты выглядишь отдохнувшей, – сказала Клара. – Этот метод дыхания и поза просто творят с нами чудеса.

Клара сказала, что если это упражнение проделывать регулярно в спокойном и сосредоточенном расположении духа, то оно способствует постепенному приведению в равновесие нашей внутренней энергии.

Прежде чем я успела сказать ей, как хорошо я себя чувствую, она попросила меня присесть и научиться еще одному способу дыхания, который играет важную роль в искоренении

ложного дуализма. Она попросила меня сидеть, выпрямив позвоночник, и немножко свести глаза так, чтобы я могла видеть кончик носа.

– Это дыхательное упражнение следует выполнять, сняв с себя одежду, – начала она. – Но для того, чтобы не раздевать тебя здесь во дворе, на этот раз мы сделаем исключение. Прежде всего ты начинаешь глубокий вдох, набирая воздух в легкие так, будто дышишь через влагалище. Втяни живот и вдыхай так, словно воздух поднимается вверх вдоль позвоночника, минуя почки, до места, которое находится между лопатками. Задержи воздух здесь на некоторое время, а затем продолжай поднимать его дальше, в затылок, затем поверх макушки головы в точку, которая находится между бровями.

Она сказала, что, задержав его там на мгновение, я должна начать выдох через нос и при этом в воображении проводить воздух вниз вдоль тела до места, которое находится чуть-чуть ниже пупка, а затем дальше, до влагалища, откуда начинался весь цикл.

Я начала проделывать это дыхательное упражнение.

Клара положила руку на основание моего позвоночника, а затем вычертила линию вдоль моей спины, над головой и до точки между бровями, на которую она легонько нажала.

– Старайся доносить воздух сюда, – сказала она. – А глаза нужно держать скошенными для того, чтобы тебе легче было концентрировать внимание на переносице. Так ты сможешь вращать воздух по линии вдоль позвоночника и над головой до этой точки. Можешь также, если хочешь, следить взглядом за воздухом, когда он опускается вдоль тела вниз и возвращается в половые органы.

Клара сказала, что циркуляция воздуха подобным образом создает непробиваемый заслон для внешних враждебных влияний, которые стремятся воздействовать на энергетическое поле тела. Это упражнение также помогает предотвратить утечку жизненно важной внутренней энергии во внешнее пространство. Она подчеркнула, что вдохи и выдохи должны быть беззвучными и что это упражнение можно выполнять стоя, сидя или лежа, хотя поначалу лучше всего делать его, сидя на подушке или на стуле.

– А теперь, – сказала она, пододвигая свое кресло поближе к моему, – давай поговорим о том, что мы уже начали обсуждать сегодня утром, о воспоминании.

Я внутренне содрогнулась. Затем я сказала ей, что, хотя не имею ни малейшего представления, о чем она собирается мне поведать, и догадываюсь, что это будет нечто монументальное, я не уверена, что готова сейчас это воспринять. Она сказала, что я нервничаю потому, что какая-то часть моего существа, возможно, почувствовала, что ей вот-вот откроется один из самых важных методов самообновления. Она терпеливо объяснила мне, что воспоминание представляет собой действие, направленное на возвращение энергии, которую мы уже израсходовали когда-то в прошлом. Воспоминание подразумевает припоминание всего прожитого. Мы должны воссоздать в воображении все места, в которых когда-то бывали, всех людей, которых когда-либо встречали, и все чувства, которые когда-либо переживали. Так нужно пройти по всей своей жизни, начиная с настоящего и доходя до самых ранних воспоминаний и очищая их при этом одно за другим с помощью специального выметающего дыхания.

Я увлеченно слушала ее, но была более чем уверена, что все ее слова ровным счетом ничего не говорят мне. Прежде чем я успела сказать ей что-либо в ответ, она крепко взяла мой подбородок в свои руки и приказала мне вдохнуть через нос, поворачивая при этом мою голову влево, а затем выдохнуть, поворачивая ее вправо. Затем мне следовало повернуть голову слева направо еще раз без дыхания. Она сказала, что такое дыхание – это чудесный способ очищения, который к тому же является залогом успешного воспоминания, потому что вдох позволяет нам возвращать потерянную энергию, а выдох дает возможность исторгать из себя враждебную, ненужную энергию, которая накопилась в нас в течение многих лет общения с другими людьми.

– Для того чтобы жить и действовать, нам нужна энергия, – продолжала Клара. – Как правило, энергия, которую мы израсходовали, уходит от нас навсегда. Поэтому, если бы не

вспоминание, мы бы никак не могли вновь обрести потерянное когда-то. Вспоминание наших жизней и выметание нашего прошлого с помощью очищающего дыхания работают совместно.

Припоминать всех, кого я знала, и все, что я когда-либо чувствовала, казалось мне абсурдной и бессмысленной задачей.

– На это может уйти вся оставшаяся жизнь, – сказала я в надежде, что это практическое замечание поможет Кларе более трезво взглянуть на вещи.

– Может уйти, – согласилась она. – Но уверяю тебя, Тайша, что, позанимавшись воспоминанием, ты ничего не потеряешь, но можешь приобрести нечто превосходящее все твои ожидания.

Я сделала несколько глубоких вдохов, покачивая головой из стороны в сторону, стараясь делать это так, как она мне показала. Этим я хотела успокоить ее и дать ей понять, что слушала ее внимательно.

Косо улыбнувшись, она предупредила меня, что вспоминание – это не случайное досужее занятие.

– Практикуя вспоминание, старайся ощутить длинные натянутые волокна, которые выходят из солнечного сплетения, – объяснила она. – Затем согласуй движение головы с движениями этих едва заметных волокон. Они являются проводниками, по которым утраченная когда-то энергия вновь возвращается к тебе. Для того чтобы стать сильной и вернуть себе целостность, ты должна высвободить всю свою энергию, которая была в течение жизни уловлена миром, и вновь вобрать ее в себя.

Она уверяла меня, что во время вспоминания мы распространяем эти длинные энергетические волокна по пространству-времени, соединяясь ими с теми людьми, местами и событиями, с которыми мы имели дело в прошлом. В результате мы оказываемся в состоянии вернуться в каждый прошлый момент своей жизни и действовать в нем так, как если бы мы еще раз реально проживали его.

Эта перспектива заставила меня вздрогнуть. Хотя интеллектуально я была и заинтригована тем, что мне рассказала Клара, у меня не было никакого желания возвращаться в свое отвратительное прошлое, даже если речь шла об обычном путешествии в воображении. Ведь я гордилась даже тем, что смогла как-то выпутаться из той невыносимой обстановки, в которой была вынуждена жить с самого раннего детства. Я вовсе не собиралась снова посещать свое прошлое и воскрешать в памяти все те моменты, которые мне больше всего хотелось забыть. Однако Клара выглядела такой серьезной и сосредоточенной, объясняя мне технику вспоминания, что я решила на некоторое время отложить свои сомнения в сторону и выслушать то, что она мне излагала.

Я спросила ее, имеет ли значение порядок, в котором человек вспоминает свое прошлое. Она ответила, что важнее всего научиться ярко проживать в воображении события прошлого, припоминая как можно больше подробностей, связанных с ними, и очищая их при этом с помощью выметающего дыхания, которое освобождает уловленную в них энергию.

– Это упражнение относится к буддистской традиции? – спросила я.

– Нет, это не так, – сказала она возвышенно. – Оно относится к другой традиции. Вскоре ты узнаешь, о какой традиции сейчас идет речь.

5. Тайное учение об энергиях

Вновь я увидела Клару на следующий день за завтраком. Наш разговор во дворе дома за день до этого неожиданно прекратился, когда взгляд у Клары внезапно стал отсутствующим и устремленным вдаль, будто на заметила там кого-то или что-то. Она поспешно встала, извинилась и оставила меня размышлять о важности всего того, что я услышала.

Когда мы утром ели жареное мясо с рисом, я сказала Кларе, что, возвращаясь вчера из пещеры, я убедилась в справедливости ее слов о том, что она расположена совсем недалеко от дома.

– Почему в таком случае мы так долго блуждали вчера по холмам, прежде чем попасть туда? – спросила я.

Клара залилась смехом.

– Я пыталась сделать так, чтобы ты сняла ботинки, поэтому нам пришлось немного погулять, прежде чем мы подошли к ручью, – ответила она.

– Зачем мне нужно было снимать ботинки? Из-за волдыря, который я натерла?

– Нет, не потому, – сказала Клара с особым выражением. – Мне нужно было сделать точечный массаж очень важных мест на твоих подошвах, для того чтобы пробудить тебя из летаргического сна, который длился всю твою жизнь. В противном случае ты бы никогда не стала меня слушать.

– Ты не преувеличиваешь, Клара? Я бы слушала тебя даже в том случае, если бы ты не нажимала ни на какие точки.

Она покачала головой и многозначительно улыбнулась.

– Все мы были воспитаны так, чтобы жить в чем-то типа тюрьмы, где ничто не имеет значения, кроме жалких, мелочных удовольствий, – сказала она. – И женщинам в этой тюрьме приходится особенно трудно. До тех пор пока мы не занимаемся *вспоминанием*, мы не можем преодолеть свои детские комплексы. А говоря о *вспоминании*...

Она заметила мой удрученный вид и засмеялась.

– Что, мне придется снова идти в пещеру? – перебила я ее, предчувствуя, что она собирается сказать мне об этом. – Я бы предпочла остаться с тобой в доме. Если ты попозируешь мне, я сделаю несколько набросков, а затем нарисую твой портрет.

– Спасибо, не надо этого, – сказала она без всякого интереса. – Я собираюсь лишь дать тебе некоторые предварительные указания о том, как лучше заниматься *вспоминанием*.

Когда мы закончили еду, Клара вручила мне блокнот и карандаш. Я подумала, что она решила принять мое предложение нарисовать ее портрет. Но когда принадлежности для письма оказались у меня в руках, она сказала, что я должна буду начать записывать имена всех людей, которых я когда-либо встречала, начиная с этого дня и уходя в *вспоминания* в самое отдаленное прошлое.

– Это невозможно! – воскликнула я. – Как я реально смогу вспомнить всех, кого видела в своей жизни, начиная с ее первого дня?

Клара отодвинула в сторону тарелки, чтобы освободить место, где я могла бы писать.

– Верно, это нелегко, но тем не менее это возможно, – сказала она. – Это неотъемлемая часть *вспоминания*. Этот список станет для твоего ума матрицей, за которую он будет держаться при работе с *вспоминаниями*.

Она объяснила, что начальная стадия *вспоминания* подразумевает две вещи. Во-первых, нужно пользоваться списком, а во-вторых, стараться как можно ярче визуализировать перед собой все имеющиеся в памяти детали событий по мере того, как они появляются перед внутренним взором *вспоминающего*.

– Как только ты восстановила в памяти все элементы, начинай очищающее дыхание. Движения головы в этом случае напоминают веер, который овеивает потоком воздуха всю картину, – сказала она. – Если ты помнишь комнату, например, очищай дыханием стены, потолок, мебель и людей, которых ты в ней видишь. Не прекращай делать этого до тех пор, пока не впитаешь в себя всю энергию, которую ты тогда оставила там, до последней капли.

– А как мне узнать, что энергии больше не осталось? – спросила я.

– Твое тело подскажет тебе, когда можно будет остановиться и перейти к следующему событию, – заверила она меня. – Но не забывай, что ты должна иметь явное намерение вбирать в себя всю ту энергию, которую ты оставила в прошлом, и выдыхать всю враждебную энергию, которую другие навязали тебе тогда.

Я была настолько ошеломлена необходимостью сделать список всех, кого я знала, и начинать заниматься воспоминанием, что вообще не могла ни о чем думать. Отрицательная непроизвольная реакция моего ума проявилась в том, что все мысли и чувства полностью покинули его. Затем меня затопил целый поток воспоминаний, и я не знала, откуда начать. Клара объяснила, что мы должны начинать воспоминание, сосредоточивая внимание прежде всего на наших прошлых сексуальных переживаниях.

– Почему мы должны начинать именно с этих воспоминаний? – спросила я с подозрением.

– Потому что в них заключено больше всего нашей энергии, – объяснила Клара. – Вот почему мы должны освободить ее в первую очередь!

– Я не думаю, что мои любовные встречи были такими уж значительными.

– Неважно, что ты о них думаешь. Ты могла смотреть в потолок, умирать от скуки или видеть падающие звезды и далекие огни – но кто-то оставил тогда в тебе свою энергию и уволок с собой уйму твоей.

Выслушав ее слова, я окончательно упала духом. Воскрешать в памяти свои сексуальные переживания казалось мне невыносимым.

– Не такое уж это приятное дело, – сказала я, – переживать снова все эти события. Более того, я не хочу копаться во всем, что связано с мужчинами.

Клара взглянула на меня, высоко подняв брови.

– К тому же ты, наверное, ожидаешь, что я все это буду тебе рассказывать, – продолжала я. – Но на самом деле, Клара, мне кажется, что все то, что я делала с мужчинами, никого не должно касаться.

Мне казалось, что я выразилась довольно однозначно. Однако Клара решительно покачала головой, не соглашаясь со мной, и сказала:

– Ты хочешь, чтобы все мужчины, с которыми ты встречалась, продолжали питаться твоей энергией? Ты хочешь, чтобы они становились все сильнее по мере того, как ты становишься слабее? Ты хочешь оставаться для них источником энергии до конца своих дней?! Не хочешь? Мне кажется, ты не вполне представляешь себе важность полового акта и всего того, чем занимается человек при воспоминании.

– Ты права, Клара. Я не вполне понимаю, зачем нужны все те странные действия, которые ты просишь меня делать. И как может быть так, что мужчины становятся сильнее за счет моей энергии? Я никого не питаю и не снабжаю. Это я тебе говорю серьезно.

Она улыбнулась и сказала, что допустила ошибку, навязывая мне свои идеи.

– Выслушай то, что я тебе расскажу, – попросила она. – В своей жизни я убедилась в правильности того, о чем говорю. По мере того как ты будешь преуспевать во воспоминании, ты узнаешь, как пришли ко мне мои убеждения. На сейчас достаточно лишь отметить, что все то, о чем я тебе говорю, составляет неотъемлемую часть искусства, которому я собираюсь тебя обучать.

– Если это так важно, как ты утверждаешь, Клара, тогда, наверное, будет лучше, если ты мне расскажешь обо всем этом сейчас, – сказала я. – Прежде чем я начну заниматься воспоминанием, я хочу знать, что это за собой повлечет.

– Хорошо, если ты настаиваешь, – кивнула она мне.

Она налила в наши чашки ромашковый чай и добавила в свою ложечку меда.

Не допускающим возражений голосом учителя, просветляющего неофита, она объяснила, что в действительности женщины вносят больший энергетический вклад в поддержку человечества, чем мужчины, и для того, чтобы они могли выполнять эту функцию, по всему миру их воспитывают в духе повиновения мужчинам.

– И при этом неважно, покупают ли их на невольничьем рынке или окружают любовью и делают предметом почитания, – подчеркнула она. – Основной смысл их существования и судьба при этом одни и те же: питать и защищать мужчин, служить им.

Клара посмотрела на меня, как мне показалось, для того, чтобы убедиться, что я слушаю ее внимательно. Я слушала, но моя глубинная реакция была отрицательной – мне казалось, что ее позиция неправильна.

– Иногда это может действительно быть так, – сказала я. – Но не думаю, что ты вправе делать столь огульные обобщения и распространять это на всех женщин.

Клара решительно не соглашалась со мной.

– Жестокая правда состоит в том, что подчиненное положение женщин является не просто социальной условностью, – сказала она, – а фундаментальной биологической закономерностью.

– Погоди, Клара, – запротестовала я. – Как ты пришла к этому?

Она объяснила, что биологические закономерности обеспечивают каждому виду живых существ максимум шансов для выживания. И с этой целью природа породила средства, которые дают возможность мужским и женским энергиям вступать во взаимодействие самым эффективным образом. Она сказала, что, хотя в мире людей принято считать, что половой акт нужен прежде всего для целей продолжения рода, у него есть и другая, неявная функция, которая состоит в том, чтобы поддерживать непрерывный поток энергии от женщин к мужчинам.

Клара произнесла слова «к мужчинам» с таким акцентом, что я была вынуждена спросить:

– Почему ты говоришь о человечестве как об улице с односторонним движением? Разве половой акт не является равным обменом энергиями между мужчиной и женщиной?

– Нет, – подчеркнуто ответила она. – Мужчины оставляют в телах женщин особые энергетические волокна. Они подобны светящимся червям, которые живут в матке и поглощают энергию.

– Это звучит как-то зловеще, – сказала я, посмеиваясь над ней.

Но она продолжала говорить совершенно серьезно.

– Эти энергетические волокна обладают одним еще более зловещим качеством, – сказала она, не обращая внимания на мой нервный смешок, – которое состоит в том, что они обеспечивают постоянный отток энергии к мужчине, который их посеял. Эти волокна, которыми женщина заражается во время полового акта, вбирают в себя и похищают энергию ее тела, которая уходит к тем мужчинам, что оставили их.

Клара была так непреклонна в том, что говорила, что я уже не могла шутить и должна была задуматься об этом всерьез. По мере того как я слушала ее дальше, моя нервная улыбка стала превращаться в гримасу.

– Я не могу согласиться ни с одним твоим словом, Клара, – сказала я. – Но мне очень интересно узнать, где ты вообще приобрела подобное нелепое представление? Тебе кто-то об этом рассказал?

– Да, мой учитель рассказал мне об этом. Вначале я тоже ему не верила, – заметила она. – Но он обучил меня также *искусству быть свободной*, а это означает, что я научилась *видеть* энергию. Теперь я знаю, что он был прав, когда говорил об этом, потому что сама могу видеть червеподобные нити в телах женщин. У тебя, например, тоже есть несколько таких нитей, и все они по-прежнему действуют.

– Ну хорошо, Клара, предположим, что это так, – сказала я смущенно. – Но скажи мне на милость, почему это так? Разве этот односторонний отток энергии не является несправедливым по отношению к женщинам?

– Весь мир несправедлив по отношению к женщинам! – воскликнула она. – Но сейчас речь идет не об этом.

– А о чем же? Клара, я хочу это знать.

– Природа стремится к тому, чтобы наш вид воспроизводился, – объяснила она. – Для того чтобы это происходило, женщины должны нести на себе избыточное бремя энергетических потерь, а это подразумевает постоянный отток энергии к мужчинам.

– Но ты все еще не объяснила, почему должно быть так, – сказала я, уже начиная уступать ее убежденности.

– Женщинам отведена основная роль в воспроизведении человека как вида, – ответила Клара. – Они отдают массу энергии не только для того, чтобы рожать, питать и воспитывать детей, но и для того, чтобы привлекать мужчин к участию во всем этом процессе.

Клара объяснила, что в идеале этот процесс дает возможность женщине, которая энергетически питает мужчину, оставившего в ее теле свои энергетические волокна, сделать его таинственным образом зависимым от себя на *уровне тонких сущностей*. Это подтверждается тем, что мужчина делает все от него зависящее для того, чтобы возвратиться к этой женщине снова и снова для энергетической подпитки. Таким образом, говорила Клара, природа достигает того, что мужчина не просто чувствует иногда мимолетное желание получить удовольствие от физической близости с женщиной, но и получает основание для установления с ней более устойчивых отношений.

– Энергетические волокна, оставленные в матке женщины, в случае зачатия частично сливаются с энергетической оболочкой плода, – продолжала дальше Клара. – Их можно назвать рудиментарной формой семейных уз, потому что отцовская энергия сливается с энергией эмбриона, и это даст возможность отцу впоследствии чувствовать, что это *его* ребенок. Но эти простые факты матери никогда не рассказывают своим дочерям. Девушек воспитывают так, чтобы их легко было соблазнить, не давая им ни малейшего представления о последствиях полового акта в смысле связанного с ним будущего оттока энергии. Вот что мне кажется несправедливым прежде всего.

По мере того как я слушала Клару, я пришла к выводу, что кое-что из того, о чем она рассказывала, соответствовало моим телесным ощущениям на глубинном уровне. Она просила меня не просто соглашаться или не соглашаться, но хорошенько обдумывать все, о чем она говорила, и оценивать это с позиции разума смело и непредвзято.

– Нехорошо даже, если хотя бы один мужчина оставит энергетические волокна в теле женщины, – продолжала Клара, – хотя это и может быть необходимо для того, чтобы у них были потомки, которые смогут жить после них. Но иметь в себе энергетические волокна десяти или двадцати мужчин означает для женщины настолько истощить свою энергетическую оболочку, что жить ей становится крайне трудно. Не удивительно, что женщинам так трудно бывает постоять за себя.

– Может ли женщина избавиться от этих волокон? – спросила я, все больше убеждаясь в том, что в словах Клары есть определенная доля истины.

– Женщина носит в себе эти нити в течение семи лет, – сказала Клара, – после чего они исчезают или увядают. Но неприятнее всего то, что, когда эти семь лет оказываются на исходе,

вся армия червей, начиная с тех, которые оставил первый мужчина, и кончая принадлежащими последнему, внезапно оживляется и вынуждает женщину снова вступить в половой акт. После него все черви опять усиливаются за счет новой потери женщиной светящейся энергии и существуют в таком состоянии еще семь лет. Фактически, это бесконечный цикл.

– А если женщина воздерживается от встреч с мужчиной? – спросила я. – Что, «черви» тогда просто умирают?

– Да, но только в том случае, если она не занимается любовью в течение семи лет. Однако в наши дни, в наш век женщина не может так долго воздерживаться, если она не станет монахиней или не имеет достаточно средств для жизни. И даже в этом случае сделать это ей будет нелегко.

– Почему это так, Клара?

– Дело в том, что участие женщины в половом акте – это не просто биологическая необходимость, но и социальное требование.

Клара привела в качестве примера очень волнующий и скорбный факт. Она сказала, что, поскольку мы не можем видеть потоки энергии, мы зачастую без всякой нужды подвергаем себя опасным эмоциональным влияниям и следуем линиям поведения, которые могут повлечь за собой энергетическое истощение. Так, например, общество совершенно напрасно требует от женщин, чтобы они выходили замуж или по крайней мере предлагали себя мужчинам. С этим связан совершенно неоправданный предрассудок, свойственный большинству женщин, вследствие которого они чувствуют свою жизнь несостоявшейся, если они не приняли в себя мужское семя. Верно, что энергетические волокна мужчины придают их жизням смысл, дают им возможность выполнить свою биологическую функцию: питать мужчин и произвести на свет потомство. Но человеческое существо достаточно разумно, чтобы требовать от себя чего-то большего, чем обычное продолжение рода. Она сказала, что саморазвитие, в частности, представляет собой такую же, как и деторождение, если не более достойную человека цель жизни и что эта ориентация подразумевает открытие перед женщинами их истинной роли в жизни человечества.

Затем она заговорила обо мне лично и сказала, что я была воспитана, как и каждая другая девушка, своей матерью, которая считала, что главное в моей жизни – удачно выйти замуж и не носить на себе клеймо старой девы. И действительно, я была воспитана как животное для того, чтобы вступить в сексуальные отношения, как бы моя мать ни называла их.

– Как и всех женщин, тебя обманом и силой заставили подчиниться этому требованию, – сказала Клара. – И самое неприятное здесь то, что ты оказалась пойманной в ловушку общественных стереотипов, хотя и не собираешься вступать в брак и рожать детей.

Ее утверждение было таким смущающим, что я опять нервно захихикала.

Но Клару это ничуть не обескуражило.

– Возможно, все это на самом деле так, Клара, – сказала я, стараясь не обидеть ее. – Но как мне может помочь то, что я буду вспоминать все, что со мной было? Разве оно не утекло, как вода под мостом?

– Я могу сказать лишь, что для того, чтобы проснуться, тебе нужно разорвать порочный круг, – ответила она, испытующе глядя на меня своими зелеными глазами.

Я повторила, что не верю в ее теории о мрачных биологических необходимостях и вампирстве мужчин, которые высасывают из женщин энергию, и заметила, что мне никак в данном случае не поможет простое сидение в пещере и припоминание всего, что со мной произошло.

– Есть такие вещи, о которых я вообще никогда не хочу больше думать, – решительно провозгласила я и ударила кулаком по столу. Я встала из-за стола с твердым намерением сказать ей, что не желаю больше слышать ничего о вспоминании, списке всех, кого я встречала, или биологических необходимостях, и готова уехать.

– Давай заключим сделку, – сказала Клара с видом продавца, который решил провести своего покупателя. – Ты – честный человек и уважаешь порядочность. Поэтому я предлагаю тебе заключить со мной один договор.

– Какой такой договор? – спросила я со все возрастающим беспокойством.

Она оторвала листок от блокнота и подала его мне.

– Я хочу, чтобы ты написала расписку, что согласна позаниматься воспоминанием один лишь месяц. Если по истечении месяца ты не заметишь, что у тебя прибавилось энергии или улучшилось самочувствие и мнение о жизни вообще, можешь свободно ехать домой, где бы ни находился твой дом. Если действительно так и случится, будешь потом рассказывать об этом как о странной просьбе ненормальной женщины.

Я снова села, чтобы успокоиться. После нескольких глотков чая мне в голову пришла мысль, что я должна пойти на это уже из одного уважения к Кларе, которая проявила ко мне столько внимания. Кроме того, было ясно, что мне не удастся так легко сорваться с ее крючка. Да и к тому же мне не составит труда просмотреть все то, что имеется в моей памяти. В конце концов кто будет знать, чем я занимаюсь в пещерке, – визуализацией и дыханием или просто мечтаю и дремлю.

– Только на один месяц, – сказала она с подкупающей искренностью. – Ты ведь не продаешься в рабство на всю жизнь. Поверь мне, я действительно пытаюсь помочь тебе.

– Я знаю, – ответила я. – Но зачем ты принимаешь на себя всю эту заботу обо мне? И почему ты выбрала именно меня, Клара?

– Есть одна причина, но она так нетривиальна, что я не могу сейчас ее тебе назвать, – ответила она. – Единственное, что я теперь могу сказать тебе, – это то, что, помогая тебе, я преследую достойную цель: возвращаю долг. Уплата долга является для тебя приемлемой причиной?

Клара взглянула на меня с такой надеждой в глазах, что я взяла карандаш и написала расписку, преднамеренно выбирая слова так, чтобы потом не могло возникнуть никаких недоумений по поводу того, что речь идет именно об одном месяце. Она уговорила меня не включать в этот месяц время, которое мне понадобится для того, чтобы составить список имен всех тех людей, которых я встречала в своей жизни. Я согласилась и сделала в конце соответствующую приписку. А затем, вопреки собственному здравому смыслу, я поставила на листке свою подпись.

6. Искусство быть пустой

На то, чтобы составить список, ушли недели напряженного умственного труда. Я презирала себя за то, что позволила Кларе уговорить себя не включать это время в один месяц, отведенный для моего пребывания у нее по договору. Все эти долгие дни я работала в одиночестве и тишине. Я встречалась с Кларой только за завтраком и за обедом на кухне, но каждый раз мы обменивались лишь несколькими словами. Она категорически отказывалась начинать со мной серьезный разговор, утверждая, что мы поговорим после того, как я закончу составление списка. Когда я справилась с этим, она сразу же отложила в сторону свое шитье и направилась вместе со мной в пещеру. Было как раз четыре часа дня, а раннее утро и конец второй половины дня, как сказала Клара, являются лучшим временем для начала масштабных работ.

У входа в пещеру она дала мне несколько указаний.

– Остановись на первом человеке, значащемся в твоем списке, и припомни все, что связано с ним, – сказала Клара, – начиная с того дня, когда вы встретились, и кончая днем, когда ты его видела в последний раз. Или, если хочешь, можешь работать в обратном направлении – от момента вашей последней встречи до дня вашего знакомства.

Вооружившись списком, я приходила в пещеру каждый день. Вначале воспоминание было нелегкой работой. Я не могла сосредоточить внимание, потому что боялась ворошить прошлое. Мой ум странствовал от одного, по моему мнению, болезненного воспоминания к другому, или же я просто отдыхала, предаваясь грезам. Но по прошествии некоторого времени меня начала впечатлять ясность и подробность моих воспоминаний. Я даже стала более объективно относиться к тем из них, которые всегда были для меня табу.

К моему удивлению, я действительно начала чувствовать себя более сильной и исполненной оптимизма. Иногда во время вдоха я ощущала, как энергия струится обратно в мое тело, согревая и наполняя силой мышцы. Я так увлеклась *процессом воспоминания*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.